

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Е. В. Скурко

**ГЛОБАЛЬНАЯ
И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ТОРГОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ**

Елена Вячеславовна Скурко
Глобальная и региональная
торгово-экономическая интеграция.
Эффективность правового регулирования
Серия «Теория и практика международного права»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10854471

*Глобальная и региональная торгово-экономическая интеграция. Эффективность правового регулирования: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2004
ISBN 5-94201-348-9*

Аннотация

Монография посвящена исследованию вопросов эффективности правового регулирования процессов международной интеграции, проблемам становления и развития межгосударственных объединений, образованных в связи с развитием экономической интеграции государств на глобальном (в системе ВТО) и региональном уровнях. Особое внимание уделяется проблеме развития интеграционных процессов с участием Российской Федерации как в плане перспективы присоединения к ВТО, так и в вопросах определения приоритетов, основных направлений и методов правового регулирования, позволяющих ожидать эффективной интеграции, а также развития отношений сотрудничества с ЕС, в рамках СНГ, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для практических работников, занятых в сфере многостороннего межгосударственного взаимодействия, юристов и экономистов, интересующихся вопросами международного торгово-экономического сотрудничества и интеграции.

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Торгово-экономическая интеграция как международно-правовой феномен: понятие и общая характеристика	7
Понятие, критерии и методы оценки эффективности правового регулирования глобальной и региональной торгово-экономической интеграции	21
Глава 2	29
Социально-правовые модели интеграционных объединений в контексте особенностей их правового регулирования	29
Модель взаимного дополнения	29
Модель колеса	30
Модель конгломерата	31
ВТО и ЕС: Общее и особенное в правовом регулировании процессов торгово-экономической интеграции	35
Почему ВТО и ЕС?	35
Природа «права интеграции»	35
Доктрина «права интеграции»	36
Международно-правовые цели и принципы интеграции	38
А. Принцип субсидиарности и пропорциональности ЕС vs. принципы и функции ВТО	40
Б. Принцип соблюдения права Сообщества ЕС vs. принципы и функции ВТО	41
В. Принцип запрета дискриминации по признаку подданства лица ЕС vs. принцип недискриминации ВТО	42
Предметы регулирования	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Скурко
Глобальная и региональная
торгово-экономическая
интеграция. Эффективность
правового регулирования

© Е. В. Скурко, 2004

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

Введение

Президент РФ В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию отмечал: «Сегодня ни одна страна – каких бы размеров и какой бы богатой она ни была – не может развиваться успешно, если она изолирована от остального мира. Наоборот, успех сопутствует тем государствам, которые осознанно, грамотно и динамично интегрируются в мировую экономику»¹.

Глобальная и региональная торгово-экономическая интеграция – объективное явление общественно-политической жизни государств в современном мире, новая ступень их взаимодействия, обладающая высочайшей социальной значимостью. Объективность и высокая общественная значимость спектра проблематики международной торгово-экономической интеграции требуют должного выражения в позитивном праве (как на международном уровне, так и в национальных правовых системах государств) вопросов, сопряженных с развитием международного торгово-экономического сотрудничества, что в свою очередь определяет необходимость развития соответствующего теоретического базиса.

Между тем в отечественной науке международного публичного права, теории и социологии права проблемы теоретико-правового осмысления и обоснования важных в прикладном плане вопросов развития правового регулирования международной торгово-экономической интеграции, подходы к оценке эффективности правового регулирования международной торгово-экономической интеграции традиционно слабо разработаны, а порою вовсе не представлены. Подтверждением последнего служит и тот факт, что региональные интеграционные процессы с участием России практически не развиты. Кроме того сегодня чрезвычайную актуальность приобретает проблема более активного вовлечения нашей страны в глобальные интеграционные процессы, в том числе присоединения к Всемирной торговой организации (ВТО).

Таким образом, существующие в практике проблемы по указанным направлениям международного сотрудничества, фактическое отсутствие у Российской Федерации обоснованной политики, стратегии и практики развития как национального законодательства, так и международно-правового регулирования, осуществляемого с ее участием в данной сфере, обуславливают актуальность теоретических разработок в спектре проблематики правового регулирования международной торгово-экономической интеграции, в особенности вопросов эффективности правового регулирования этого процесса с учетом российских особенностей и специфики.

Следует также принять во внимание, что уже около 15 лет Российская Федерация находится на этапе кардинального реформирования своего государственно-правового устройства, в том числе стоит перед необходимостью переоценки своего международно-правового положения. При этом Россия справедливо и обоснованно намерена занять достойное место не только на политической карте мира, но и в системе международного разделения труда, и экономических отношениях: «Россия стремится и будет поддерживать дружеские, добрососедские отношения со всеми странами мира и вместе с ними решать общие проблемы, защищать общие интересы. Основной задачей российской внешней политики является реализация наших национальных интересов. При этом базовым принципом остается соблюдение норм международного права»².

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства.) Стенограмма выступления от 16 мая 2003 г. М., 2003.

² Там же.

Цель данной работы состоит в попытке обобщения опыта правового регулирования международной торгово-экономической интеграции на примере наиболее эффективных межгосударственных объединений интеграционного характера – Всемирной торговой организации и системы Европейского союза. Основная идея представленного исследования сводится к тому, что эти правовые системы, сформированные на основе международных соглашений и договоров, на базе учрежденных для их администрирования международных организаций, проявляют определенное и весьма существенное сходство как в статике, так и в динамике соответствующих правовых систем. Представляется допустимым также утверждать, что опыт интеграции, накопленный в системах ВТО и ЕС, в особенности в сравнительно-правовом контексте, может быть успешно и более эффективно, нежели опыт этих организаций по отдельности, применен для развития правового регулирования интеграционных процессов с участием иных государств – естественно, в данном случае наиболее ценно для нас попытаться определить пути и методы применения этого опыта в развитии правового регулирования интеграционных процессов с участием РФ.

Так, общая задача исследования сводится к выявлению закономерностей и соответствующих общих принципов, правил, определению научно-практических рекомендаций в области развития правового регулирования международной торгово-экономической интеграции, в том числе наиболее проблемных с точки зрения развития правового регулирования сфер и отношений, – в основном на примере и исходя из сравнительного анализа правовых систем ВТО и ЕС. На основе закономерностей, свойственных рассматриваемым правовым системам, в свою очередь, представляется возможным разработать теоретические основы и практические рекомендации по развитию правового регулирования процессов торгово-экономической интеграции, осуществляющихся с участием Российской Федерации.

В своем комплексе исследование было построено по следующей схеме: первоначально представлена оценка торгово-экономической интеграции как международно-правового феномена и подходы к оценке эффективности правового регулирования процессов международной экономической интеграции; далее с целью выявления способов и методологических основ повышения эффективности правового регулирования международной торгово-экономической интеграции приведены результаты общего сравнительно-правового анализа правовых систем ВТО и ЕС; затем на основании теоретических подходов, а также выявленных в практике ВТО и ЕС эффективных элементов механизма правового регулирования торгово-экономической интеграции предложены научно-практические рекомендации по развитию правового регулирования интеграционных процессов с участием Российской Федерации.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 03-03-00340а.

Глава 1

Общая теория эффективности правового регулирования международной торгово-экономической интеграции

Торгово-экономическая интеграция как международно-правовой феномен: понятие и общая характеристика

Интеграция (лат. *integratio* – восстановление, восполнение) – как общенаучное понятие означает состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию³.

В современной экономической теории экономическая интеграция рассматривается как одна из основных форм и стадий исторического процесса интернационализации хозяйственной жизни – долговременного процесса постепенного преодоления национально-государственной замкнутости экономики и становления мирового хозяйства⁴.

Собственно понятие международной (торгово-)экономической интеграции было введено в научный оборот в середине XX в. для обозначения нового явления в мировой экономике – специфического взаимодействия государств системы Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Почти за полвека развития европейской интеграции вслед ей возникло множество теорий и концепций международной интеграции, вырабатываемых экономистами и социологами, юристами и политологами. Множество государств пытались применить опыт интеграции, подкрепленный теоретическими изысканиями, в своей практике международного общения, но ни одно региональное объединение государств не продвинулось в своем развитии хоть сколько-нибудь сопоставимо с развитием системы ЕС. Продолжали создаваться теории интеграции – но уже не столько для формализации феномена ЕЭС/ЕС и зачастую с целью применения этого опыта в других регионах мира, сколько для обоснования собственно развития системы, порождаемой европейской интеграцией.

К наиболее утвердившимся теориям и подходам к оценке феномена (европейской) интеграции можно отнести концепции, в целом возникшие в рамках двух школ, существовавших в области социально-политических и юридических дисциплин. Это, во-первых, подход на базе идеи функционализма, когда выявляются и оцениваются лишь функции, способные обеспечить процессы интеграции, но не дается оценка формы, возникающей из реализации этих функций (в том числе в формально-юридическом поле). Другой подход к анализу интеграционных процессов сводится к их оценке как специфического феномена межгосударственного взаимодействия, не выходящего, однако, за рамки общих международно-правовых отношений, – что абсолютно не свойственно функционализму, в недрах которого зрели модные сегодня подходы и оценки ЕС/ЕЭС как некоего «особенного» образования – «почти государства», с одной стороны, и в то же время «необычной» междуна-

³ См., например: Советский энциклопедический словарь. М. 1989.

⁴ См.: Газизуллин Н. Ф., Марышев А. Н., Черкасов Н. А. Международная интеграция как категория экономической науки и конкретная форма интернационализации хозяйственной жизни // Проблемы современной экономики. 2003. № 3; Семенов К. А. Международная экономическая интеграция. М., 2001; Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века, или почему не интегрируются страны СНГ. М., 2002., и др.

родной организации – с другой⁵. И если понятна приверженность европейских политиков и идеологов интеграции идее «особенности» ЕС, то, по меньшей мере, непонятно широкое приятие такой идеи учеными-юристами, «приложившими руку» и продолжающими придумывать новые и новые обоснования феномена «европейского федерализма».

На наш взгляд, пристального внимания применительно к формально-юридической оценке феномена интеграционных объединений в системе международного права заслуживает подход Н. А. Ушакова, предложившего обозначать международные организации государств, призванные обеспечить в том числе и процессы их экономической интеграции, как конфедерацию государств или «наднациональную организацию»⁶. Так, по мнению этого исследователя, «конфедерация государств – это особое объединение (союз) государств, сохраняющих свое качество суверенных образований, но передавших некоторые свои полномочия такому объединению, наделив его тем самым правоспособностью выступать в международных отношениях от их имени, т. е. специальной международной правосубъектностью. Создается такое объединение суверенных государств (двух или более) путем заключения международного договора между ними, и предусматривает оно создание совместного органа государств-членов, правомочного выступать от их имени в международном общении (иногда такими правомочиями наделяется одно из государств-членов)»⁷. Отношения государств-членов в такой организации (конфедерации или «наднациональной организации» – в концепции Н. А. Ушакова) должны регулироваться «внутренним правом» этой организации⁸. (Сходная позиция нашла отражение в работах Ю. М. Юмашева⁹.)

При этом термин «наднациональность» не следует толковать и рассматривать как синоним умаления суверенитета объединяющихся государств – что в настоящее время чрезвычайно широко распространено среди ученых и в практике, либо как термин, служащий для обозначения некой эфемерной «промежуточной стадии» между государством и международной организацией – в юридическом поле и современном международном праве таких «промежуточных» государственно-правовых образований не существует и не может существовать по очевидным причинам. Вкратце, чтобы внести ясность и не быть «голословными», остановимся на них. Исторически сложилось так, что суверенитет государства в «классическом» и в современном международном праве полностью обуславливается эффективным контролем государства (т. е. государственной властью) своей территории и населения. Вся история человечества показывает, что, если государство оказывается фактически неспособным эффективно контролировать территорию и население, оно рано или поздно утрачивает суверенитет: недаром прежде территориальное море государств не превышало трех морских миль, ибо лишь на такое расстояние могла стрелять береговая артиллерия. Бесспорно, времена изменились, но если, например, некий субъект какой-либо из существующих федераций, либо административно-территориальная единица некоего унитарного государства сделает попытку выйти на международную арену и декларировать свой суверенитет, то юридические последствия такого акта, очевидно, будут принципиально отличны от ситуации, которая сформируется в случае, если, например, Германия или Франция денонсируют договоры системы ЕЭС/ЕС или НАТО – их международно-правовой статус фактически не претерпит изменений, – по сути, за исключением лишь незна-

⁵ Более подробно о так называемой теории интеграции и ее идейных источниках, в том числе наиболее ярких представителей различных научных школ и направлений см., например: *Шемятенков В. Г.* Европейская интеграция. М., 2003. С. 317–351.

⁶ *Ушаков Н.* Государство в системе международно-правового регулирования. М., 1997. С. 50–58.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ Там же.

⁹ См., например: *Юмашев Ю. М.* Международно-правовые формы внешнеэкономических связей ЕЭС. М., 1989. С. 6–21.

чительных юридико-технических деталей, полностью лежащих в поле международно-правовых отношений¹⁰.

Должно быть совершенно очевидно, что говорить, например, о «европейском суверенитете» (по сути, это то же самое, что говорить о «европейском федерализме», пусть даже лишь экономическом, увы, это не редкость) – достаточно грубая ошибка, так как у ЕЭС/ЕС (и ни у каких иных современных международных организаций) нет и не может быть правомочий, а также фактических средств и возможностей обеспечить эффективный контроль над территорией и населением своих государств-членов. Это могут сделать (и формально, и фактически) только государства и только в отношении собственной территории и населения – и в этом подтверждается их суверенитет. Если даже гипотетически предположить наличие у некоего межгосударственного образования средств и правомочий такого эффективного контроля – в таком случае скорее следовало бы говорить об образовании нового государства, а не развивать теорию неких «переходных форм», что, повторимся, в настоящее время, увы, не редкость даже в среде ученых-юристов.

Помимо указанного выше, все сказанное о недопустимости рассмотрения как синонимов термина «наднациональность» и понятия «ограничение государственного суверенитета» подтверждается также и практикой, проявляющейся в том, что все решения наднациональных органов, а также собственно формирование таких органов происходит исключительно в манере, свойственной межгосударственным образованиям, но не национальным государствам. Кроме того, любое правоприменение в международной организации пусть даже глубоко интегрированных государств основывается на добровольном признании государствами-членами таких решений и может быть реализовано только через национальные правовые системы и механизмы этих государств – тогда как суверенное государство для обеспечения исполнения своих решений обладает полным набором необходимых и эффективных легальных инструментов, а также легитимной монополией на принуждение на своей территории.

Таким образом, возвращаясь к механизму международного взаимодействия государств по модели конфедерации (в том числе, вслед за Н. А. Ушаковым, позиционируя ее как «наднациональную международную организацию»), следует определить, что и исторически, и формально-юридически конфедерация есть основанный на международном договоре союз государств, которые сохраняют полный суверенитет и делегируют союзу властные полномочия в пределах, установленных соответствующими международными договорами. При этом государства – члены конфедерации полностью сохраняют право развивать внешние сношения с третьими странами или иными международными организациями, однако обязуются не заключать договоры с третьими странами и/или иными международными организациями, а также не предпринимать иных действий в области переданной конфедерации компетенции, наносящих (или способных нанести) ущерб конфедерации и/или ее участникам. Органы конфедерации, фактически функционирующей в поле международно-правовых отношениях, приобретают полномочия осуществлять свою компетенцию как в отношениях с третьими странами и иными международными организациями, так и в отношении государств-членов как субъектов международного права (но, строго говоря, не их граждан) – в объеме, установленном соответствующими международными договорами.

Следовательно, в формально-юридическом аспекте наиболее существенным, ключевым признаком, характеризующим конфедерацию (или «наднациональную организацию»)

¹⁰ Мы не имеем в виду экономических последствий, например, в случае выхода Германии или Франции из состава ЕС для населения и экономики этих стран – естественно, такие последствия будут и, возможно, достаточно драматические, однако не в силу формальной денонсации договоров и юридических последствий этого, но в силу сложившейся глубокой экономической взаимосвязанности, а следовательно, и взаимозависимости государств, сформировавшихся в ходе эволюции систем ЕЭС/ЕС.

как инструмент, способный обеспечить (и, по сути, обеспечивающий на практике) процессы международной интеграции, является обязательство государств-членов воздержаться от заключения договоров и иных действий, наносящих ущерб конфедерации или ее участникам. В практическом плане это прежде всего означает, что государства-члены должны отдавать приоритет нормам, выработанным в рамках конфедерации, как перед иными международно-правовыми нормами, так и перед нормами своего внутреннего законодательства – в области компетенции конфедерации.

Последнее утверждение в свете современного международного права и тенденций его развития не может быть абсолютным и требует определенной конкретизации и пояснений. Это связано главным образом с появлением в современном международном праве так называемых (квази-)императивных норм – *jus cogens*, а также признанием и наделением личности (человека) в международно-правовых отношениях (ограниченной) правосубъектностью. Перечисленное накладывает свои ограничения на развитие «права конфедерации» (или «права интеграции» – что в данном случае может использоваться как синоним, т. е. международно-правовых норм, вырабатываемых в рамках конфедерации в смысле, обозначенном выше). Таким образом, международно-правовые нормы, принятые в конфедерации, не могут, во-первых, вступать в противоречие с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также наносить ущерб правам и свободам человека – не только в силу общепризнанности этих норм, но также в силу признания государствами (ограниченной) международной правосубъектности личности в современной системе международно-правовых отношений.

Чтобы сформировалась адекватная указанной выше иерархия источников международного права для государств – членов конфедерации, используются стандартные и допустимые общим международным правом юридико-технические приемы с учетом принятой практики, когда по юридической силе более ранний акт становится слабее нового, специальный акт сильнее общего, в том числе старый специальный сильнее нового общего. Так, для государств, присоединяющихся к конфедерации, активно используются механизмы денонсации, а в отношении новых заключаемых государствами-членами или от лица конфедерации договоров активно применяется практика превентивного контроля. Все эти механизмы направлены на обеспечение (формального) верховенства норм, вырабатываемых в рамках конфедерации (или норм «права интеграции») и полностью лежат в поле регулирования современного международного права. Кроме того, государства, выразившие намерение присоединиться к международной организации наднационального типа (или конфедерации¹¹), как правило, должны привести свое законодательство в соответствие с нормами соответствующей международной организации, в том числе отменить или внести необходимые изменения в нормативные правовые акты, положения которых противоречат нормам соответствующей международной организации, а также принять нормативные правовые акты по предметам и в объеме, как этого требуют соответствующие международно-правовые нормы организации, к которой намерено присоединиться государство.

Здесь же, говоря о вопросах соотношения «права интеграции» с иными нормами международного права, а также нормами национального законодательства государств – членов конфедерации нельзя не коснуться вкратце и проблемы соотношения международного и национального права в ее современном звучании в доктрине и международно-правовой практике.

¹¹ Вслед за Н. А. Ушаковым здесь и далее в работе термины «конфедерация» и «наднациональная международная организация» (или «международная организация наднационального характера») используются как синонимы – что представляется в целом допустимым.

Так, в плане определения соотношения международно-правовых норм и национальных правовых систем сложилось два подхода. При первом подходе система международного права рассматривается как полностью самостоятельная и автономная по отношению к национальным правовым системам – такой подход в основном свойствен практике систем семьи общего права, а также, например, советской юридической науке (и поныне зачастую сохраняет свой отпечаток в позициях современных российских ученых-юристов). При втором подходе признается существование некоей единой правовой системы, включающей комплекс международного права и национальные правовые системы, причем ряд теоретиков и практика ряда правовых систем (например, США) отдаст примат национальному праву, отводя определенное место в иерархии национальных правовых норм нормам международного права (после их соответствующей имплементации); другие ученые и практика правовых семей континентальной европейской традиции (так называемой романо-германской правовой семьи) идут по пути «встраивания» национальных правовых систем государств в некую «глобальную» всемирную правовую систему – таким образом, отдавая примат нормам международного права (однако при этом также используя механизмы необходимой имплементации этих норм, но на «более высоких ступенях» иерархии национальных источников права).

В практическом плане применяющийся подход к соотношению норм национального и международного права получает отражение в применяющихся правилах и механизмах имплементации международно-правовых норм в национальных правовых системах, которые устанавливаются исключительно в рамках самих национальных правовых систем. В этом смысле любые разговоры о «прямом действии» норм международного права, в том числе (и в особенности) если речь идет о нормах европейского права, остаются простой спекуляцией, поскольку никакого формально-юридического механизма такого «прямого действия» норм международного права в национальных правовых системах не существует в природе. На практике эффект «прямого действия» либо обеспечивается за счет обязательств государств, вытекающих из уже ратифицированного международного договора касательно, например, признания и исполнения «внутренних актов» соответствующей международной организации, либо для достижения эффекта «прямого действия» применяются механизмы имплементации, свойственные конкретным правовым системам, но это лишь «квази-» прямое действие – иного не дано и не известно юридической науке¹².

Таким образом, можно утверждать, что *международная (торгово-)экономическая интеграция в юридической области получает свое (организационно-правовое) воплощение в виде международной организации наднационального типа, или конфедерации*, в том смысле, что государства – члены такой организации, передавая ряд своих суверенных полномочий наднациональным органам (главным образом в торгово-экономической сфере), одновременно принимают обязательства не предпринимать шагов в развитии своих международно-правовых отношений и/или национальных правовых систем, способных нанести ущерб интересам в поле переданной компетенции другим государствам-членам или собственно самой международной организации.

Вслед за Н. А. Ушаковым, представляется необходимым признать, что «экономическая интеграция на межгосударственном уровне нереальна, не имеет смысла, если она не сопро-

¹² Парадоксально, но подтверждением последнего служит то, что Суд ЕС неоднократно выступал против воспроизведения регламентов ЕС (которые, как полагается, должны иметь так называемое прямое действие на территории государств-членов) в национальном законодательстве государств-членов – что является широко распространенной практикой, с намерением, чтобы регламенты действовали «автоматически». Практика, таким образом, лишь подтверждает, что ни о каком «автоматическом» или «прямом» действии норм международного права в национальных правовых системах государств не может идти речь (в силу того что государства избегают и не преемлют такого подхода-«автоматизма» ни на уровне международно-правового механизма, ни на уровне своих национальных правовых систем), а также лишний раз указывает на природу ЕЭС/ЕС как международной организации – и не более.

вождается созданием адекватной политической межгосударственной структуры в виде того, что описывается термином «конфедерация государств» или термином «наднациональная международная организация»¹³. Вместе с тем практика показала ложность подхода к обеспечению развития реальной интеграции лишь путем учреждения соответствующей международной организации государств, выразивших намерение интегрироваться, – а такая позиция получила свое научное обоснование¹⁴.

Здесь закономерно возникает вопрос: можно ли провести достаточно четкую связь или установить (взаимо)зависимость между существованием определенной международной организации и тем, что в рамках этой организации протекает (или потенциально способна обеспечиваться) международная (торгово-)экономическая интеграция государств-членов.

Думается, что само по себе формирование международной организации конфедеративного (или наднационального) характера нельзя признать тождественным «реальной» (т. е. наблюдаемой на практике) экономической интеграции государств-членов. Не говоря о том, что конфедерация может структурироваться далеко не всегда в области международных экономических отношений, но исторически скорее вокруг вопросов обеспечения совместной обороны и проведения оборонной политики государств-участников, – на наш взгляд, формальное создание международной организации наднационального характера само по себе не гарантирует и того, что на практике пойдут реальные и эффективные процессы международного экономического взаимодействия субъектов правового общения интегрирующихся государств. Таким образом, формальное учреждение конфедерации государствами по сути лишь создает «потенциал» для развития процессов их реальной интеграции¹⁵.

Собственно развитие процессов интеграционного характера во взаимодействии экономик государств, учреждающих для этих целей наднациональную организацию, обуславливается существованием взаимовыгодного частного экономического интереса в области развиваемых интеграционных процессах – что неоднократно получало подтверждение в социально-экономической практике. Кроме того, государства должны обеспечить в своем национальном законодательстве, правовых системах и национальном правопорядке действенные, максимально эффективные и «прозрачные» механизмы и возможности для правореализации по всем установленным направлениям интеграции для всех субъектов правового общения интегрирующихся государств (т. е., по крайней мере, в пределах переданной конфедерации компетенции).

Поэтому, говоря о необходимости учреждения «адекватной политической межгосударственной структуры» для целей развития интеграции этих государств, следует понимать, что создание такой межгосударственной структуры и наделение ее определенным кругом полномочий (компетенцией) не создает автоматически ожидаемого экономического эффекта. Вместе с тем это не лишает нас необходимости задаться вопросом: содержат ли международные договоры и соглашения, уставы и иные акты, принятые в связи с учреждением и деятельностью международных организаций, «нацеленных» на обеспечение международно-правовых основ развития процессов взаимодействия экономик государств-членов

¹³ Ушаков Н. А. Государство в системе... С. 51.

¹⁴ Например, в работе Е. Г. Журавской указывается, что можно рассматривать как закономерность для развивающегося мира «осуществление интеграции формальной (создание определенных экономических группировок и их политико-правовых институтов) еще до адекватного развития реальной интеграции, в отличие от развитых капиталистических стран, где оформление региональных институтов происходило и происходит на базе значительно интегрированных национальных хозяйств» (Журавская Е. Г. Региональная интеграция в развивающемся мире. М., 1990. С. 44). При этом упускается из виду, что на практике такие интеграционные объединения существуют лишь «на бумаге».

¹⁵ По меткому выражению Ю. В. Шишкова «выдавать за интеграцию ее организационные формы – примерно то же, что бутылку для шампанского выдавать за само это вино» (Шишков Ю. В. Указ. соч. С. 123).

и их интеграции, необходимый правовой «потенциал» или «позитивный компонент» для развития реальной интеграции государств-учредителей.

Мы не будем пока затрагивать акты правового поля ЕЭС/ЕС – здесь скорее придется доказывать, что интеграция не зашла настолько далеко, чтобы «переродить» комплекс ЕС в (суверенное) государство: очевидно, правовое поле ЕС содержит достаточный формальный потенциал для обеспечения процессов реальной интеграции экономик государств-членов практически в полном объеме существующих потребностей субъектов правового общения государств-членов.

Рассмотрим акты такой организации, как ВТО, с целью установить, можно ли утверждать, что эта организация структурируется по модели конфедерации и содержит позитивный «потенциал», способный обеспечить практическую реализацию и воплощение интеграции экономик государств-членов.

Так, Марракешское соглашение об учреждении ВТО (Устав ВТО) в ст. VIII прямо устанавливает, что ВТО получает статус (международного) юридического лица и должна наделяться своими членами такой правоспособностью, которая может быть необходима для исполнения возложенных на Организацию функций. Функции ВТО установлены ст. III ее Устава, при этом их формулировка может получать весьма широкое толкование. Например, ВТО должна упростить применение норм, осуществлять администрирование и обеспечивать достижение целей, установленных ее Уставом и многосторонними торговыми соглашениями, заключенными в ее формате (ч. 1 ст. III). Кроме того, с целью достижения большей согласованности при проведении глобальной экономической политики ВТО необходимым образом взаимодействует с Международным валютным фондом (МВФ) и Международным банком реконструкции и развития (МБРР) (ч. 5 ст. III), что, по сути, придает ВТО полномочия – выступая и действуя от лица своих членов, развивать сотрудничество с этими международными организациями в вопросах, способных на практике (в ближней или более отдаленной перспективе) определить и сформировать «экономический облик» мира, строго говоря, фактически вне непосредственного участия самих ныне существующих суверенных государств.

Помимо сказанного, для системы ВТО является характерным также и то, что на практике государства-члены, а также государства, выразившие намерение присоединиться к ВТО, должны привести свое национальное законодательство в соответствие с нормами «пакета» соглашений ВТО, с учетом решений и иных «внутренних» актов, принятых в рамках организации. И если прежде в системе Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г. (ГАТТ-47), правопреемницей которого в 1995 г. стала ВТО, по некоторым позициям допускалось применение его норм в объеме, не противоречащем национальным правовым нормам – т. е. в той мере, в какой применение этих норм было совместимо с национальным законодательством государств-участников, в системе ВТО нормы многосторонних торговых соглашений, заключенных в ее формате, должны применяться безусловно и эффективно всеми государствами-членами – «вариации» допустимы лишь в части сроков введения в действие национальных норм и правил по взятым в системе ВТО обязательствам в национальных правовых системах государств-членов.

Таким образом, по существу представляется допустимым говорить о том, что организационно-правовой комплекс системы ВТО структурируется по модели конфедерации, формальные основы создания которой заложены в Уставе этой организации, а в дополнение – в практическом плане, фактически признается и должен обеспечиваться примат норм и правил ВТО (опосредовано принятыми механизмами) в правовых системах государств-членов.

Возвращаясь к подходам, принятым в оценке феномена интеграции, необходимо остановиться еще на одной классификации, применяющейся в отношении «типизации», а также практического развития интеграционных процессов.

Так, широкое приятие в среде ученых юристов получил подход, вызревший в экономической теории, согласно которому принято выделять следующие этапы или типы развития международной экономической интеграции:

- зона свободной торговли;
- таможенный союз;
- единый или общий рынок;
- экономический союз;
- экономический и валютный союз¹⁶.

Причем эта «градация» интеграционных объединений сформировалась на основании анализа опыта в первую очередь ЕС, так как в существующей практике остальные интеграционные объединения не продвинулись в своем развитии далее третьей стадии указанной классификации.

Такой подход, несмотря на свое широкое применение как теоретиками, так и в практике развития правового регулирования интеграции и права интеграционных объединений, в теоретическом ключе представляется в целом неудовлетворительным, поскольку совершенно не дает возможности выявить и установить сколь-нибудь значимые критерии, которые определили бы возникновение и развитие интеграционных процессов, объективные стадии, а тем более – эффективность их правового регулирования. При этом и сам подход как самостоятельная теоретическая конструкция заслуживает критики, во-первых, в силу отсутствия социально-правовой практики, способной продемонстрировать адекватное функционирование и эффективность «чистых форм» в представленной типологии – так, например, зоны свободной торговли зачастую формируются лишь по определенным группам товаров, которые при этом лишь незначительно участвуют в формировании «картины» рынков – на большее государства часто не решаются, хотя и декларируют формирование зон свободной торговли. Во-вторых, на наш взгляд, классификацию в данном случае следовало бы проводить по критерию применения методов тарифного и нетарифного регулирования экономических отношений, а не простым перечислением наиболее очевидных форм объединения экономик. В таком случае в силу того, что большинство современных государств применяют в основном два метода регулирования внешнеторговой деятельности, а именно: метод таможенно-тарифного и нетарифного регулирования¹⁷, то по критерию применения этих методов в регулировании интеграционных процессов на международно-правовом уровне основные типы интеграционных объединений (трансформируя представленную выше классификацию) будут следующие.

При таможенно-тарифном регулировании:

– *зона свободной торговли* – характеризуется тем, что в отношениях, связанных с перемещением товаров через границы государств, входящих в зону свободной торговли, таможенные пошлины не взимаются; при этом каждое государство, входящее в зону свободной торговли, сохраняет национальные таможенные тарифы в торговле с третьими странами;

– *таможенный союз* – характеризуется тем, что в отношениях, связанных с перемещением товаров через границы государств, входящих в таможенный союз, таможенные пошлины не взимаются. При этом устанавливается единый таможенный тариф в торговле с третьими странами.

¹⁶ Этот подход чрезвычайно широко распространен и устоялся в работах российских ученых, касающихся правовых аспектов международной экономической интеграции, а между тем он возник и первоначально сформировался в исследованиях западных экономистов.

¹⁷ Так, например, ФЗ РФ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 7 июля 1995 г. определяет, что государственная внешнеторговая политика осуществляется посредством таможенно-тарифного регулирования и нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности. Иные методы государственного регулирования путем вмешательства и установления различных ограничений органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ не допускаются (ст. 13).

При нетарифном регулировании – возникновение *общего рынка* как цели и формы интеграционного объединения. Общий рынок характеризуется тем, что (как правило, в дополнение к отмене взимания таможенных пошлин в отношениях между интегрирующимися государствами) устраняются нетарифные барьеры в торговле в различных секторах и сегментах рынка товаров. В более развитых формах интеграции проявляется тенденция к формированию общего свободного рынка услуг, капиталов, рабочей силы, финансов и т. д.

Естественно, практически в любой теории или концепции интеграции *высшей формой интеграции* (в нашей терминологии – типом) рассматривается *единое экономическое пространство*, формирование и обеспечение функционирования которого, однако, *традиционно являлось основной экономической функцией и относилось к компетенции суверенного государства*¹⁸. Таким образом, не говоря уже о том, что даже в масштабах отдельно взятой страны на практике не удастся сформировать полностью однородное экономическое пространство – в особенности если речь идет о федеративном государстве, *говорить о том что в ходе интеграции возможно обеспечить такое пространство некорректно как формально, так и фактически уже постольку поскольку интеграционное объединение (суть – международная организация) никогда не приобретет суверенитета в принятом смысле, если не преобразуется в государство.*

Кроме того, практика показывает, что реализация того или иного типа интеграционного объединения (зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка и др.) в «чистом» виде не всегда тождественна эффективной интеграции и даже не всегда адекватно характеризует и позволяет оценить эффективность интеграции. Можно утверждать, что *постепенное снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле, если его результатом становится рост торгово-экономической активности в интеграционном объединении, в большей степени характеризует развитие интеграционных процессов, в том числе и эффективность их правового регулирования, нежели формальное создание зон свободной торговли, таможенных союзов либо общих рынков* и т. п.

В этой связи ни в коем случае не следует абсолютизировать, в том числе делать объектом изучения, формальное существование юридически оформленных интеграционных блоков. Вместе с тем намного более полезно обратиться к *формам взаимодействия правовых систем государств в ходе их интеграции*, поскольку именно их взаимодействие комплексно и глубинно отражает общую направленность и социально-экономическую эффективность интеграции и ее правового регулирования. При этом традиционный для теории права подход к анализу правовой системы, а именно рассмотрение правовой системы как совокупности компонентов:

– *статических*: совокупность юридических норм, принципов и институтов (нормативная сторона системы); совокупность правовых учреждений (организационный элемент); совокупность правовых взглядов, идей, представлений, свойственных данному обществу (идеологический элемент);

– *динамических*: правотворчество; правореализация¹⁹, – оказывается крайне удобным, адекватным и эффективным, поскольку позволяет комплексно оценить процессы становления правовых систем не только государств, но и (до определенной степени) международных организаций²⁰, их системное функционирование, при меняющиеся механизмы правового регулирования и их эффективность.

¹⁸ Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств.

¹⁹ Правовая система социализма: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 39.

²⁰ Оговорка «до определенной степени» означает в данном случае, что, в отличие от правовой системы государства, функции которого в силу его природы существенно шире, нежели обслуживание экономических интересов субъектов соци-

Причем и с практической точки зрения, и методологически наблюдение за становлением отдельных правовых систем в ходе международной торгово-экономической интеграции позволяет обобщить и распространить, расширить этот опыт как на процессы международной торгово-экономической интеграции с другим кругом участников, так и частично применить этот опыт в развитии правовых систем современных государств – по крайней мере правовых систем государств с федеративным устройством. Кроме того, результаты наблюдений за процессами становления правовых систем в ходе международной торгово-экономической интеграции весьма ценны также и в сугубо теоретическом плане, поскольку позволяют глубже познать природу феномена правовой системы, а значит, в том числе, научно прогнозировать и научно обоснованно управлять развитием современных правовых систем во всем их многообразии.

Можно назвать велением времени тот факт, что помимо исторически сложившихся форм и механизмов взаимодействия правовых систем государств, существующих в рамках международного публичного права, а также определяющих структурирование и функционирование международного частного права, современное развитие социально-экономических и международно-правовых отношений подвигает юридические науки к выработке теоретических представлений о *формах взаимодействия правовых систем государств (а также надгосударственных интеграционных объединений) в условиях* так называемой *глобализации* (в том числе так называемой неолиберальной глобализации экономики).

Так, в рамках исследования влияния глобализации на общество, государство и право И. И. Лукашук говорит об *интернационализации права*, полагая, что интернационализация права осуществляется *стихийно и целенаправленно*²¹. Суть стихийного пути, по мнению исследователя, состоит в том, что стандартизация условий жизни и внешних связей определяет тенденцию к единообразному правовому регулированию²². Целенаправленными способами интернационализации в концепции И. И. Лукашука являются *рецепция, гармонизация и унификация права*²³.

Кроме того, особую актуальность и «звучание» приобретает сегодня, на наш взгляд, проблема *вынужденных юридических взаимодействий* в правовой сфере. Поднимая эту проблему, Е. А. Тверякова в своем теоретико-историческом исследовании ставит вопрос о *юридической экспансии* как процессе и результате навязывания одним обществом (частью общества, государством, социальной группой и т. п.) своей правовой системы другому обществу²⁴.

Обобщая, таким образом, указанное – подходы к проблеме и определению форм взаимодействия правовых систем в современных условиях – представляется допустимым говорить о трех основных формах взаимодействия правовых систем: их *конвергенции, ассимиляции и интеграции*.

Конвергенция правовых систем – феномен и процесс возникновения сходных и одинаковых явлений в правовых системах различных государств, взаимоуподобление элементов правовых систем и правовых систем в целом²⁵. Таким образом, конвергенция во многом

ально-экономического и правового общения, а следовательно, и правовая система более развита, многофункциональна и разнообразна, в процессе международной торгово-экономической интеграции правовая система, связанная с обеспечением и обслуживанием интересов субъектов социально-экономического и правового общения, реализующихся в ходе и в рамках торгово-экономической интеграции, более специфична, с одной стороны, и проста, – с другой, а также, кроме того, более легко наблюдаема в процессе своего становления, предсказуема, а следовательно, прогнозируема и управляема.

²¹ Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 44.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Тверякова Е. А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 10.

²⁵ Понятие конвергенции правовых систем дано на основании и по аналогии с представлениями о конвергенции в этнографии – термина, использующегося для определения сходных или одинаковых, но независимо друг от друга возникающих

схожа с представлениями о стихийной интернационализации права в концепции И. И. Лукашука. При этом, имея корни в сходности социально-экономических условий, в рамках которых происходит становление правовых систем, их конвергенция не имеет прямого отношения к феномену интеграции, в том числе торгово-экономической интеграции, а также необязательно в перспективе способна привести к развитию процессов торгово-экономической либо социально-правовой интеграции систем, проявляющих признаки конвергенции.

*Ассимиляция правовых систем – процесс, возникающий при контакте правовых систем, в ходе которого происходит слияние этих правовых систем с утратой одной из них своих характерных признаков и элементов, а также зачастую сопровождающийся утратой традиционных институтов и/или традиционного правосознания*²⁶. В целом представляется корректным говорить о том, что ассимиляция правовой системы зачастую становится результатом юридической экспансии в смысле, предложенном Е. А. Тверяковой.

Юридическая ассимиляция возникает во взаимодействии правовых систем, общесистемный потенциал которых (например, социально-экономический либо военно-политический потенциал) различен, т. е. при условии доминирования одной из взаимодействующих систем над другой. Так, юридическая ассимиляция имеет место в тех случаях, когда на территории одного государства сосуществуют две или более правовых систем, причем доминирующую роль, естественно, играет правовая система государства, подчиняющая себе региональные правовые системы, порождающиеся, например, в рамках традиционных обществ, проживающих на территории этого государства, и их обычного права. Причем государство, как правило, проявляет большую лояльность и формально обеспечивает сдержанность в естественном процессе ассимиляции традиционных правовых систем, функционирующих на его территории, как в силу присущей ему социальной функции, так и в силу ограниченности в ряде вопросов обязательствами, принятыми в рамках международного права. Во взаимодействии государств, в том числе и в особенности в рамках международных организаций, юридическая ассимиляция развивается под интенсивным воздействием фактора экономической мощи некоторых государств и *подавлении экономически слабых государств, фактически принуждаемых формально самостоятельно идти на трансформации своих правовых систем*.

В современных условиях ведущим фактором, определяющим развитие юридической ассимиляции в международных отношениях, как правило, является экономическая сила государства, ассимилирующего иные правовые системы. Ассимиляция может происходить непосредственно из взаимодействия правовых систем государств или опосредовано правом международной организации.

Во взаимодействии субъектов международного права и/или межгосударственном общении ассимиляция развивается по следующим направлениям:

– *Во взаимодействии нормативных компонентов правовых систем* происходит, с одной стороны, принятие несвойственных ассимилируемой правовой системе принципов, механизмов и норм, навязываемых ассимилирующей правовой системой, и, с другой стороны, вытеснение традиционных институтов в ассимилируемой правовой системе либо вследствие прямой их отмены, либо в условиях формального сохранения их фактическое неприменение в социально-экономической и юридической практике.

– *Во взаимодействии организационных компонентов правовых систем* происходит либо встраивание органов и учреждений ассимилируемой системы в иерархию ассимилирующей системы, либо при формальном сохранении независимости органов и учреждений

явлений в культуре разных народов (см.: Советский энциклопедический словарь. М., 1989).

²⁶ Понятие ассимиляции правовых систем, или юридической ассимиляции, дано на основании и по аналогии с представлениями об ассимиляции в этнографии – слияния одного народа с другим с утратой одним из них своего языка, культуры, национального самосознания (см.: Советский энциклопедический словарь).

государства фактическое их подчинение воли, навязываемой ассимилирующим субъектом международного права.

– *Во взаимодействии компонентов, связанных с выражением общественного правосознания*, в ассимилируемой системе от лица государственных органов и учреждений либо с их молчаливого согласия прямо или косвенно проводится пропагандистская работа или правовое воспитание, обусловленное правовыми и социокультурными ценностями ассимилирующего государства. Самим государственным органам ассимилируемой системы навязывается правовая и социально-экономическая доктрина, свойственная ассимилирующей системе.

Интеграция правовых систем – процесс, возникающий при контакте правовых систем, в ходе которого сохраняются наиболее эффективные и ценные для достижения целей интеграции элементы, становящиеся общими в ходе развития процессов интеграции для интегрирующихся правовых систем или переходящие на наднациональный уровень в случае, если процессы интеграции сопровождаются становлением новой правовой системы наднационального характера.

Таким образом, интеграция правовых систем может развиваться по следующим направлениям:

– *Во взаимодействии нормативных компонентов правовых систем* происходит выявление либо выработка новых принципов, механизмов и норм, служащих достижению целей интеграции, а также их апробирование и перенесение на уровень нормативного компонента общей либо наднациональной правовой системы интегрирующихся государств.

– *Во взаимодействии организационных компонентов правовых систем* происходит либо глубокая координация деятельности, либо создание единых органов наднационального характера интеграционного объединения, к компетенции которых относится решение задач, связанных с достижением целей интеграции.

– *Взаимодействие компонентов, связанных с выражением общественного правосознания*, в интегрирующихся системах в идеале должно сопрягаться с наличием конвергентного правосознания интегрирующихся обществ, характеризующегося высокой правовой культурой, с одной стороны, общей ориентированностью на общение с внешним миром и до определенной степени готовностью к естественной ассимиляции в плане социокультурного взаимодействия.

Взаимодействие динамических компонентов правовых систем в ходе их интеграции выражается в:

– вынесении правотворческой деятельности в спектре целей интеграции на уровень интеграционного объединения или наднациональный уровень;

– обеспечении условий для правореализации лиц интегрирующихся государств на территории всех государств – участников интеграционного объединения в соответствии с нормами, определенными на уровне интеграционного объединения, а также взаимном признании решений, выносимых судебными органами государств – членов интеграционного объединения, до той степени, до которой национальные суды связаны обязательством применять нормы права интеграционного объединения (адекватно имплементированные в национальную правовую систему).

При этом юридико-техническая сторона взаимодействия правовых систем *как в условиях ассимиляции, так и в условиях интеграции* находит формальное воплощение в:

– *рецепции* – одностороннем заимствовании одним государством у другого крупных массивов законодательства;

– *гармонизации* – сближении механизмов правового регулирования двух или более государств в отдельных отраслях в форме утверждения общих институтов, норм, устранения противоречий;

– *унификации* – введении двумя или более государствами единообразных норм.

Кроме того, практика показывает, что *правовые системы*, взаимодействуя, *могут предметно дополнять друг друга*. Это явление происходит в основном в международном праве, во взаимодействии правовых систем, порождаемых международными организациями. Так, например, считается, что институциональной основой современного мирового экономического правопорядка являются Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и группа Всемирного банка. Во взаимодействии этих международных организаций можно наблюдать, что их правовые системы предметно дополняют друг друга²⁷. Так, нормативный массив ВТО, покрывая своим регулированием вопросы международной торговли и ряд смежных областей, не содержит регулирования и практически не затрагивает вопросов структурирования, развития и регламентации функционирования международной валютно-финансовой системы, а также режимов оказания финансовой помощи на международном (публично-правовом) уровне – эти вопросы отнесены к компетенции МВФ и организаций группы Всемирного банка.

С другой стороны, в практике международной торговли сохраняется сепаратное регулирование рынков отдельных видов товаров (как правило сырьевых), в том числе на международно-правовом уровне, в рамках международных организаций. Так, в современной системе международной торговли принят и действует ряд специальных правовых режимов, в формате которых осуществляется регулирование движения определенных видов товаров, являющихся наиболее значимыми для экономики их производящих или потребляющих стран. Эти правовые режимы устанавливаются в международных соглашениях, принятых заинтересованными государствами в сфере международной торговли соответствующими видами товаров. На основании таких соглашений могут создаваться специальные органы, уполномоченные осуществлять контроль за соблюдением соглашений, а также разрешать споры, могущие возникнуть между сторонами соглашений в ходе их реализации. В регулировании торговли и рынков отдельных видов товаров на международно-правовом уровне применяются методы, в целом направленные на обеспечение правовых основ взаимодействия государств-экспортеров и государств-импортеров, в том числе: а) стороны могут договариваться осуществлять экономическое регулирование рынка соответствующих видов товаров, оказывая воздействие либо на объемы производства и масштабы экспорта, либо на уровень цен; б) стороны могут прилагать усилия к развитию рынка путем совершенствования производства и товарных качеств продукции, исследования рынка и т. п.²⁸ В целом системность и возможности интеграции на сепаратно регулируемых рынках весьма условны. Эти рынки характеризуются в целом несвойственными современной международной торговле методами государственного регулирования (главным образом в силу специфики этих рынков как сырьевых). Говорить о характерном для обеспечения процессов интеграции правовом регулировании, а также собственно о ее (интеграции) существовании в сопряжении с функционированием подобных рынков, не представляется целесообразным. Вместе с тем было бы неправильно полностью игнорировать специфику сепаратно регулируемых рынков, хотя бы в силу того, что в рамках их регулирования также можно наблюдать взаимодействие правовых систем на глобальном уровне.

Кроме указанных форм взаимодействия правовых систем международных организаций также наблюдается тенденция снижения политико-правовой роли ряда международных организаций в ходе их взаимодействия с другими международными организациями – так, в определенной мере можно говорить о структурировании «иерархии» международных организаций. Это происходит в силу фактического изъятия из поля изначально присвоен-

²⁷ Мы не будем здесь углубляться в подобие «конкурирующей компетенции», время от времени проявляющейся в отношениях и действиях МВФ и МБРР.

²⁸ Более подробно об особенностях так называемых межгосударственных отраслевых организаций см., например, справочник: Международные экономические организации. М., 1962.

ной какой-либо международной организации юрисдикции ряда вопросов со стороны другой международной организации. Это явление наблюдается, например, в отношениях Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и ВТО, поскольку после принятия ТРИПС (Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности) в системе ВТО роль ВОИС фактически была сведена к технической функции. Также наблюдается снижение политико-правовой роли и функции Международной организации труда (МОТ) в силу специфики соотношения правовых систем МОТ и ВТО. Так, несмотря на то, что формально ВТО приняла решение воздержаться от регулирования вопросов трудовых отношений, оставив их в юрисдикции МОТ, ряд принципов, норм и положений ВТО в ходе их имплементации в национальных правовых системах государств – членов ВТО искажают общие цели, принципы и идеи, связанные с деятельностью МОТ и регулированием, осуществляемым под эгидой этой международной организации. Можно привести и другие примеры.

С другой стороны, в существующем формате такой правовой системы, как ЕС (и в этом, можно сказать, состоит ее уникальность), аккумулированы практически все вопросы, касающиеся регулирования в рамках компетенции ЕС экономических отношений в регионе (как вопросы собственно торговли, так и вопросы валютно-финансового регулирования и т. п.), несмотря на то, что ряд соглашений, связанных с учреждением Европейских сообществ, носил изначально характер, отражающий потребности регулирования отдельных отраслей экономики и торговли, – практика показала возможности структурирования на их базисе фактически единой (правовой) системы.

Понятие, критерии и методы оценки эффективности правового регулирования глобальной и региональной торгово-экономической интеграции

Международная торгово-экономическая интеграция, опыт которой (по крайней мере исходя из истории и практики европейской интеграции) весьма заманчив для возникновения все новых и новых «очагов» ее реализации в самых различных регионах мира, на практике развивается не всегда настолько успешно, насколько предполагали те, кто стоял у истоков конкретных интеграционных процессов. В этой связи, не вдаваясь особенно глубоко в экономические концепции и проблемы развития интеграции и ее эффективности, небезынтересно с позиций теории и практически необходимо попытаться дать оценку фактору эффективности правового регулирования интеграционных процессов в развитии процессов торгово-экономической интеграции. Кроме того, не будет большим преувеличением сказать, что проблемы правового регулирования торгово-экономической интеграции и в особенности его эффективности – наименее разработанный круг вопросов в сфере исследований проблем международной интеграции.

Между тем именно проблемы адекватности правового регулирования интеграционных процессов их социально-экономическому и политико-правовому потенциалу являются тем фактором, действие которого зачастую может существенно способствовать повышению эффективности и интенсивности процессов интеграции, а равно затормаживать или «замораживать» интеграционную активность и потенциал. Необходимо признать – ибо это вытекает из множественного опыта и попыток «неевропейской» региональной интеграции практически повсеместно в мире, – что, если правовое регулирование пытается опередить реальные потребности социально-экономического развития интеграционного объединения, это никоим образом не ускоряет темпы, а равно не повышает экономический эффект хода интеграционных процессов и их целесообразности. Более того, в этом случае чрезмерное разрастание правового массива, связанного с регулированием интеграционных процессов и попыткой их форсировать в правовой сфере без должного учета их социально-экономической обоснованности, по меньшей мере обременяет, а иногда и деформирует нормативный и организационный компоненты правовых систем интегрирующихся государств, частично «омертвляет» их – ведь не трудно включить новую норму в законодательный массив – трудно, а порой невозможно, обеспечить ее эффективность.

Недостаточное внимание развитию «правовой среды» интеграции (суть правовой системы интеграционного объединения) также может стать препятствием для достижения потенциально возможного социально-экономического эффекта для государств – членов интеграционного объединения и их лиц, если экономики этих государств уже глубоко связаны и тесно взаимодействуют на практике. Примером, подтверждающим последнее, может служить развитие теории и утверждение на практике идеи *lex mercatoria*, обусловленной недостаточным межгосударственным взаимодействием по вопросам правового регулирования отношений международной торговли²⁹. То же самое частично верно, например, для системы НАФТА, когда реальные потребности взаимодействия экономик государств-членов превышают существующий объем правового регулирования интеграционных процессов в регионе.

²⁹ В данном случае мы воздержимся от дискуссии по проблемам структурирования системы *lex mercatoria*, однако ниже в работе попытаемся обосновать, что адекватное социально-правовому контексту интеграции развитие ее правового регулирования способно снять проблему выделения и обособления как массива *lex mercatoria* и подобных образований в системе регулирования отношений международной торговли, так и по ряду вопросов международного частного права.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что позитивное регулирование интеграционных процессов должно «идти в ногу» с социально-экономическими реалиями и потребностями взаимодействия экономических систем интегрирующихся государств.

Эффективность правового регулирования интеграционных процессов в целом обуславливается своим соответствием потребностям социально-экономического взаимодействия государств интеграционного объединения и их лиц.

Собственно эффективность интеграции, в соответствии с общенаучным подходом может быть определена соотношением между целями и результатами, достигнутыми в ходе интеграции ($\Xi = P/C$). При этом, очевидно, сложно комплексно оценить («измерить») и цель, и результат, а также их соотношение.

Зачастую в подтверждение экономической эффективности интеграции приводятся оценки и характеристики по отдельным сферам экономических отношений³⁰. На наш взгляд, наиболее комплексно экономическую эффективность торгово-экономической интеграции характеризует такой показатель, как высокая (более 50 %) доля взаимной торговли государств интеграционного объединения и/или рост этого показателя³¹.

Проблемы оценки эффективности правового регулирования интеграционных процессов – еще более сложный вопрос. Действительно, следует признать, что одновременно со становлением торгово-экономической системы в ходе международной интеграции происходит становление некой правовой системы, охватывающей интеграционное объединение государств и призванной обеспечить функционирование торгово-экономической системы соответствующего интеграционного объединения постольку и настолько, поскольку и насколько международные торгово-экономические отношения, а тем более интеграционные процессы, объективно нуждаются в правовом регулировании.

В общей теории права получили свою разработку вопросы эффективности правовых норм, а также были намечены подходы к оценке эффективности функционирования правовой системы государства. Так, в отечественной юридической науке – фундаментальном коллективном труде «Эффективность правовых норм» – эффективность норм определялась как «соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты»³². Эффективность действия правовой системы в рамках положений общей теории права рассматривается как «мера (степень) ее активного положительного воздействия на общественные отношения, на деятельность и поведение субъектов права»³³, причем основным критерием эффективности действия правовой системы также расценивается степень достижения цели³⁴.

При оценке эффективности правового регулирования международной торгово-экономической интеграции важно указать на следующие существенные моменты.

³⁰ Так, например, согласно проведенным Европейским экономическим сообществом оценкам, к моменту его трансформации в Европейский союз была достигнута высокая эффективность взаимного сотрудничества. В подтверждение последнего назывались, в частности, параметры по отдельным сферам, как-то (в числе прочего): экономия издержек за счет отмены пограничного контроля и других подобных мер – 13–24 млрд ЭКЮ, рост занятости – более 200 млн рабочих мест и т. п. (данные приводятся по кн.: Региональные экономические объединения и использование их опыта в СНГ. М., 2002; более подробно см.: Там же. С. 37–38). Подобный подход к оценке эффективности интеграции представляется несколько упрощенным и во многом неполным, поскольку, по меньшей мере, сложно оценить, каким образом происходило бы экономическое развитие отдельных государств, если бы они остались за рамками интеграционного объединения; не исключено, что ряд показателей, характеризующих экономическое развитие отдельных государств, были бы выше по сравнению с аналогичными показателями для этих же государств в рамках интеграционного объединения.

³¹ Эта позиция более подробно освещена в работе Ю. В. Шишкова (*Шишков Ю. В.* Указ. соч.), и думается, что с таким методом оценки экономической эффективности интеграции следует согласиться.

³² Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самошенко, В. В. Глазырин М., 1980. С. 22

³³ Правовая система социализма. М., 1987. Т. 2. С. 230.

³⁴ Там же. С. 237.

Представляется верной мысль В. И. Никитинского, что «следует различать эффективность механизма действия правовой нормы, призванного обеспечить определенное поведение людей, и эффективность правовой нормы, эталоном оценки которой является социальная цель нормы, а отнюдь не средства (правомерное поведение), избранные для ее достижения»³⁵. Таким образом, при оценке эффективности правового регулирования интеграционных процессов, речь должна идти о таких компонентах, как социальная эффективность норм «права интеграции» и юридико-техническая эффективность этих норм. В. А. Леванский, анализируя положения общей теории права, показал, что понятия «эффективность нормы права» и «эффективность механизма действия нормы» (в контексте этого исследования – суть «социальная эффективность нормы «права интеграции» и «юридико-техническая эффективность нормы «права интеграции»») входят составляющими в понятие «эффективность механизма правового регулирования»³⁶ (а в нашем случае составляют эффективность правового регулирования интеграционных процессов).

Следовательно, на наш взгляд, эффективность правового регулирования интеграционных процессов может быть определена произведением социальной (социально-экономической) эффективности норм «права интеграции» и юридико-технической эффективности норм «права интеграции».

Социально-экономическая эффективность норм «права интеграции» определяется тем, насколько цели введения правового регулирования были или могут быть достигнуты в социально-экономической сфере субъектами правового общения после того, как было введено соответствующее правовое регулирование. Например, факторами неприменения правовых норм, определяющими низкую или порой нулевую социально-экономическую эффективность этих норм (а следовательно, и всего механизма), в числе прочего, могут выступать неверная, неполная или избыточная постановка целей правового регулирования в рамках интеграционного объединения, а также отсутствие необходимых ресурсов для практической реализации поставленных целей и задач и т. п.³⁷

Юридико-техническая эффективность норм «права интеграции» в современных условиях может быть комплексно определена, на наш взгляд, на основе характеристик процесса интеграции правовых систем государств, входящих в интеграционное объединение (или степени интегрированности этих правовых систем).

Эффективность интеграции правовых систем (в предложенном выше смысле) может оцениваться соотношением общего (например, общих норм, принципов, правил и иных элементов) для правовых систем интегрирующихся государств в комплексе правовой системы отдельного государства, вовлеченного в соответствующие интеграционные процессы. Эта общая для правовых систем интегрирующихся государств часть, их общие элементы, по существу и формирует собой то, что принято называть «правом интеграции». Кроме того, практика требует признать, что чем больше вопросов в спектре интеграции получает общее для интегрирующихся правовых систем регулирование, тем эффективнее интеграция (причем как в правовом, так и в социально-экономическом ключе).

Оценивая степень интегрированности (или эффективность интеграции правовых систем) государств интеграционного объединения, необходимо принять во внимание, что наиболее распространенными юридико-техническими способами, направленными на обеспечение потребностей интеграции правовых систем, являются:

³⁵ Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. С. 19.

³⁶ Леванский В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986. С. 76.

³⁷ Более подробно вопросы неприменения правовых норм проанализированы в работах В. П. Казимирчука, В. Н. Кудрявцева, С. В. Полениной, Р. О. Халфиной и других авторов.

- принятие актов международно-правового характера, которые должны быть ратифицированы национальными представительными органами государств-членов;
- «рамочные» акты – принятые в рамках интеграционного объединения, факт принятия которых порождает для государств обязанность обеспечить в национальных правовых системах материальные и процессуальные основы их реализации;
- акты «квази»-прямого действия, принятые в рамках интеграционного объединения (суть «внутреннее право» соответствующей международной организации).

Таким образом, не всегда принятие какого-либо акта в национальном законодательстве просто и однозначно можно охарактеризовать как имеющего отношение к процессам интеграции правовых систем. Нередка и ситуация, когда акт интеграционного объединения, предназначенный для «прямого действия»³⁸, формально не включается или не явно включается в национальные системы права интегрирующихся государств, что затрудняет выявление особенностей интеграционного процесса и его правового регулирования.

Если далее попытаться определить вклад эффективности правового регулирования интеграции в развитие интеграции и, следовательно, эффективность интеграционных процессов, то представляется допустимым предложить следующее.

Очевидно, совокупный результат процессов интеграции складывается из двух составляющих: результатов, для достижения которых не требуется существенного развития правового регулирования, и результатов, которые не могут быть достигнуты в отсутствие адекватного правового регулирования. Поэтому можно утверждать, что чем шире круг вопросов, требующих адекватного правового регулирования в ходе развития интеграционных процессов, тем значительнее будет и вклад эффективности правового регулирования в совокупную эффективность интеграции.

При этом вклад развития правового регулирования в эффективность интеграции на каждом из этапов и стадий интеграции, а также в зависимости от конкретных исторических условий, сопровождающих протекание интеграционных процессов, будет различаться и зависеть от содержания конкретной стадии интеграционного процесса.

Кроме того, факторы эффективности правового регулирования интеграции будут различны на каждой стадии интеграционного процесса. Различен будет вклад факторов, общих для нескольких стадий интеграции, в совокупное значение эффективности интеграционных процессов и их правового регулирования в зависимости от стадии интеграционного процесса и конкретно-исторических условий его протекания.

Тем не менее в наиболее общем виде можно говорить о трех группах факторов, влияющих на эффективность интеграции и ее правового регулирования. Это: социально-экономические, правовые и политические факторы. Причем во всех трех группах можно разграничить факторы объективного и субъективного характера.

Объективные социально-экономические факторы обуславливают инициацию интеграционных процессов и являются наиболее весомыми на начальных стадиях интеграции.

Дальнейшее развитие и углубление интеграционных процессов требует адекватного правового регулирования, в том числе развития «права интеграции».

Факт глубокой экономической интегрированности (как в экономическом поле, так и соответственно в вопросах правового взаимодействия) государств требует развития политико-правовой надстройки интеграционного объединения, поскольку государства,

³⁸ В предыдущем подразделе мы указали свое отношение к проблеме «прямого действия» норм международного права в национальных правовых системах, а именно – некорректность этого подхода, однако ссылки на «прямое действие» норм международного права встречаются широко в научных работах, а также в нормативных документах и практической деятельности – поэтому мы не всегда по ходу исследования можем «уклониться» от применения этого, как сказано выше, не вполне корректного термина.

будучи в силу существующей экономической практики и потребностей экономического взаимодействия существенно стесненными в своем суверенитете, преследуя цели торгово-экономической интеграции, с определенного момента оказываются не в состоянии самостоятельно (в одностороннем порядке и/или исключительно в рамках своих национальных правовых систем) решать встающие перед ними политические задачи и проблемы без привлечения к их решению средств и институтов, сформированных в ходе интеграции. Здесь, таким образом, наибольший вес приобретают политические факторы, государства оказываются перед выбором: либо возвращать себе часть переданных интеграционному объединению полномочий, либо поставить новые политические задачи перед интеграционным объединением, поскольку эти задачи уже не могут быть решены на национальном уровне в формате сохранившейся юрисдикции соответствующего государства³⁹.

Субъективные факторы на каждом этапе интеграционных процессов усиливают либо ослабляют действие объективных факторов (естественно, главным образом, факторов, доминирующих на текущем этапе развития интеграции).

Если с точки зрения стадий правового регулирования попытаться рассмотреть возможные подходы к оценке факторов его эффективности, можно указать на следующие ключевые моменты:

В плане эффективного правотворчества в рамках интеграционного объединения наиболее существенным воздействием на эффективность правового регулирования интеграционных процессов обладают:

– предметная эффективность правотворчества – адекватное выявление в ходе правотворческой деятельности вопросов, требующих правовой регламентации и урегулирования в ходе процессов интеграции;

– организационная эффективность правотворчества – разграничение правотворческих полномочий и функций между органами интегрирующихся государств и органами интеграционного объединения.

В плане эффективной правореализации для субъектов правового общения в рамках интеграционного объединения наиболее существенным воздействием на эффективность правового регулирования интеграционных процессов обладают:

– наличие адекватных материальных основ для правореализации;

– наличие адекватных процессуальных основ для правореализации: правоохранительная и правоприменительная эффективность интеграции.

Важнейшей задачей, которая должна получить свое решение в любом случае, независимо от конкретных целей интеграции, является необходимость обеспечения возможностей правореализации для всех субъектов правового общения в рамках интеграционного объединения, по всем предметам, отнесенным к ведению интеграционного объединения. Основной проблемой здесь (в дополнение к «традиционным» проблемам национальных правовых систем) является проблема поиска возможных форм и механизмов стимулирования, а порой и принуждения, государств – членов интеграционного объединения к исполнению обязательств, вытекающих для этих государств из актов международно-правового характера, принимаемых в ходе интеграции.

Представляется, что к наиболее существенным факторам, обеспечивающим эффективность правореализации для субъектов правового общения, можно отнести:

³⁹ Еще раз подчеркнем – эта проблема выбора лишней раз подчеркивает суверенность государств и их право распоряжаться своей судьбой и судьбой своих граждан, но не факт «ограничения суверенитета» – некорректно рассматривать как синонимы «ограничение суверенитета» и передачу государством части своих полномочий в поле компетенции наднациональной организации и ее органов.

а) введение в рамках интеграционного объединения коллективных экономических санкций в отношении государства – члена интеграционного объединения, недобросовестно выполняющего свои обязательства;

б) социально-экономическую обусловленность действий государств-членов в рамках интеграционного объединения, когда экономики интегрирующихся государств связаны настолько тесно, что факт выхода из объединения (а следовательно, и соответствующих международных договоров и соглашений) для государства способен спровоцировать достаточно глубокий социально-экономический кризис со всеми сопряженными с этим последствиями, в том числе и политического характера.

В связи с оценкой вклада правового регулирования в эффективность интеграции нельзя не коснуться еще одного важного вопроса: можно ли выявить формальные признаки правовых систем (а точнее, характеристики их нормативных компонентов), которые достаточно определенно указывали бы на реальность процессов торгово-экономической интеграции государств. Иными словами, можно ли определить наличие торгово-экономической интеграции и ее эффективность по характеристикам правовых систем интегрирующихся государств и/или системы международной организации, созданной для достижения целей интеграции и в поддержку осуществления ее задач.

Думается, что это возможно. Так, анализируя и обобщая опыт взаимодействия правовых систем государств, направленного на достижение целей развития торгово-экономического сотрудничества и процессов торгово-экономической интеграции, можно указать на следующие характерные признаки, возникающие в связи с взаимодействием государств и их правовых систем, если речь идет о реальной («результативной») торгово-экономической интеграции:

– в нормативном компоненте такой правовой системы со временем растет число решений, носящих характер прецедента;

– в нормативном компоненте такой правовой системы со временем растет число актов, принимаемых по вопросам частного

права, а также доля таких актов в совокупном нормативном массиве интеграционного объединения (на международно-правовом уровне).

Для обоснования этих положений обратимся к особенностям структурирования правовых систем интеграционных объединений. Международная торгово-экономическая интеграция и соответствующее интеграционное объединение государств формально начинают свое существование в рамках международных договоров и соглашений, содержащих правовые положения, касающиеся общих целей, принципов, задач и других вопросов инициированных процессов интеграции. Как правило, принятие международного соглашения по вопросам торгово-экономической интеграции сопровождается (одновременно либо это происходит со временем) учреждением международной организации, к функциям которой относится решение задач, стоящих перед интеграционным объединением по предметам соответствующего международного соглашения.

При этом по общему правилу нормы международных соглашений и договоров субъектов международного права, а также нормы соглашений и договоров, заключающихся в системе международных организаций, относятся к положению и отношениям государств, т. е. носят публично-правовой характер. Кроме того, международные договоры и соглашения по своей природе (что также подтверждает и практика) и формальным характеристикам в большей степени (как по форме, так и по реализации) тяготеют к романо-германской правовой семье.

Между тем признаком, характеризующим реальную торгово-экономическую интеграцию государств, со временем становится развитие институтов прецедентного права в рамках интеграционного объединения.

Так, известно, что в силу специфики разрешения споров международно-правового характера и присущих международному праву особенностей в рамках международного права возникает и утверждается положение, согласно которому, например, Международный суд ООН, если стороны решили обратиться к нему за разрешением спора, не может отказаться от разрешения спора за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы. Это положение обуславливает и определяет общие правовые рамки развития прецедентного права в ходе разрешения споров международно-правового характера.

Вместе с тем прецедентное право в системе международного права в целом на практике развито весьма незначительно, поскольку по общему правилу государства свободно, по обоюдному согласию могут выбрать конкретные средства мирного урегулирования споров, и сложилась практика, согласно которой государства относительно редко прибегают к способам судебной защиты своих нарушенных прав⁴⁰. Этот факт, по-видимому, обуславливается, с одной стороны, относительно слабым взаимодействием государств в системе международно-правового регулирования. С другой стороны, государства редко прибегают к судебной защите в рамках международного права, в том числе и по причине традиционно (для международного права) низкой эффективности исполнения решений и рекомендаций, вынесенных в связи с разрешением международно-правового спора.

В условиях реальной торгово-экономической интеграции государств, напротив, следует ожидать существенного развития прецедентного права на уровне интеграционного объединения. Действительно, в силу сохранения в интеграционном объединении общего принципа деятельности (международных) судебных органов (или в данном случае специальных органов в системе международной организации по разрешению споров), а именно того, что суд не может отказаться от разрешения спора из-за отсутствия или неясности подлежащей применению нормы, развитие прецедентного права в ходе реальной интеграции происходит весьма интенсивно, так как естественные пробелы правового регулирования в системе интеграционного объединения требуют своего скорейшего устранения – чтобы дать возможность нормальному развитию интеграционных процессов. Это и осуществляется органами по разрешению споров интеграционного объединения за счет фактического развития прецедентного права.

Помимо тенденции развития прецедентного права в рамках интеграционного объединения, реальная интеграция и объективные потребности развития ее правового регулирования со временем приводят к необходимости расширения спектра регулирования по крайней мере предметно, на вопросы частного права. Кроме того, потребности развития интеграционных процессов зачастую приводят к необходимости расширения круга субъектов правового общения, непосредственно вовлекаемых в интеграционные процессы, поскольку их интересы объективно затрагиваются в ходе интеграции.

Таким образом, в рамках интеграционного объединения со временем возникает необходимость расширения действия актов интеграционного объединения по кругу лиц, т. е. развития регулирования прав и обязанностей частных лиц в системе международно-правового поля соответствующего соглашения и/или международной организации. Следовательно, по ходу интеграции акты, принятые в рамках интеграционного объединения, предметно «осваивают» регулирование частнопровых отношений, а также распространяют свое действие по кругу лиц на частных лиц, принадлежащих юрисдикции интегрирующихся государств⁴¹.

⁴⁰ В подтверждение можно привести тот факт, что за свою полувековую историю Международный суд ООН рассмотрел всего около 100 дел.

⁴¹ С необходимым учетом существующих и признанных правил имплементации норм международного права в национальных правовых системах государств.

В целом, обобщая сказанное, можно говорить о том, что правовая система, возникающая на международно-правовом уровне и обслуживающая потребности реальной торгово-экономической интеграции в рамках соответствующего интеграционного объединения, будет характеризоваться следующими чертами:

а) Правовая система интеграционного объединения носит промежуточный характер, включая черты, свойственные как романо-германской правовой семье, так и англо-саксонской правовой традиции.

б) Нормативный компонент правовой системы интеграционного объединения характеризуется наличием и высокой долей в совокупном массиве актов частноправового характера, которые со временем распространяют свое действие по кругу лиц на регулирование деятельности частных лиц (физических и юридических), принадлежащих юрисдикции интегрирующихся государств.

Эти признаки, если они характеризуют правовую систему, формирующуюся на основании международных договоров и соглашений и/или организаций, достаточно, на наш взгляд, определенно указывают на то, что формирующаяся (международно-) правовая система обслуживает процессы реальной и результативной, а следовательно, и эффективной системы международной торгово-экономической интеграции.

Глава 2

Сравнительно-правовое исследование опыта международной торгово-экономической интеграции в свете проблемы повышения эффективности правового регулирования интеграционных процессов (на примере ВТО и ЕС)

Социально-правовые модели интеграционных объединений в контексте особенностей их правового регулирования

Как было указано в предыдущей главе, формально все интеграционные объединения государств образуются на основе международного соглашения или договора, который сопровождается одновременным либо последующим учреждением на его основе международной организации, к компетенции которой государства-учредители относят решение задач и осуществление функций, связанных с ходом интеграции в социально-экономическом и политико-правовом ключе.

Таким образом, интеграционные процессы впервые формально проявляются на международно-правовом уровне и касаются главным образом (а зачастую исключительно) публично-правовых отношений между государствами в рамках общепризнанных целей, принципов и норм международного права.

На сегодняшний день известны несколько типов интеграционных объединений, а также различных вариантов торгово-экономического сотрудничества государств, анализ практики которых позволяет выделить основные модели взаимодействия экономик и правовых систем интегрирующихся государств.

Модель взаимного дополнения

Модель взаимного дополнения возникает в случае, если национальные экономики сотрудничающих государств, взаимодействуя, дополняют друг друга. Такое взаимодействие, как правило, не встречает препятствий правового характера (как на национальном, так и на международно-правовом уровне), поскольку осуществляется не только в отсутствие конкуренции хозяйствующих субъектов, принадлежащих юрисдикции этих государств, на международном рынке (и/или между экономиками сотрудничающих государств в целом по установленным направлениям сотрудничества), но происходит в условиях взаимной заинтересованности в таком сотрудничестве. В этом случае правовые системы взаимодействующих государств либо продолжают развиваться автономно в условиях необходимого и взаимно поощряемого международно-правового сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный и встречный (но не конкурирующий) интерес, либо, в случае глубокой заинтересованности экономически сильной стороны, во взаимодействии правовых систем в большей или меньшей степени может наблюдаться юридическая ассимиляция. В нормативном компоненте системы, обеспечивающей на международно-правовом уровне развитие такой модели, преобладают так называемые договоры-сделки. Возможно, что в случае

подобного взаимодействия государств образования международной организации не происходит вообще, либо, если организация учреждается, ее функции ограничиваются техническим администрированием договоров и соглашений. Внутренние акты, создающие обязательства для государств-членов, в организациях подобного рода практически не издаются. Кроме того, очевидно, что компетенция и вытекающая из нее правосубъектность такой организации будет минимальна или чрезвычайно ограничена. Такая модель сотрудничества, как правило, не приводит и не является фактором развития процессов торгово-экономической интеграции, хотя по ограниченному кругу вопросов может присутствовать в системах интеграционных объединений, не являясь при этом системообразующей, но принимая оттенки конвергентного характера.

Модель колеса

Модель колеса реализуется в случае, если в рамках интеграционного объединения существует (в том числе и территориально обособленный) центр (либо центры) высокоразвитого индустриально-экономического, финансового и информационно-управленческого характера, с которым взаимодействуют «периферийные», «догоняющие» хозяйства объединения, в целом не способные конкурировать с «центром», однако уже отошедшие от практики простого (как правило сырьевого) дополнения «центра» и его потребностей.

«Центр» в модели колеса формируется из жестко конкурирующих между собой передовых производств, для которых существенным фактором в получении конкурентных преимуществ выступает развитие инновационной деятельности и производства.

В системе интеграционного объединения по модели колеса может сформироваться два варианта взаимодействия «центра» и «периферии». Первый вариант получит развитие, если «центр» и «периферия» разделены государственными границами – например, есть группа стран, экономики которых формируют такой «центр», и группа стран, хозяйства которых формируют «периферию». В подобном случае особенность взаимодействия «центра» и «периферии» в модели колеса состоит в том, что государства периферии и периферийные хозяйства не заинтересованы в сотрудничестве между собой, а, скорее, склонны конкурировать между собой в борьбе за рынки государств центра. Зачастую это сопровождается введением ограничений либо простым недопущением агентов международной торговли конкурирующих периферийных хозяйств на внутренние рынки других государств периферии, в том числе применяются различные и весьма разнообразные скрытые или явные нетарифные барьеры, как правило, принимающие нормативную правовую форму.

Характерно также и то, что в отношениях государств, хозяйства которых формируют «центр» в модели колеса, также чрезвычайно широко применяются нетарифные торговые барьеры, принимающие нормативную правовую форму и зачастую трудно верифицируемые. Практика показывает, что чем выше уровень социально-экономического развития государства, тем сложнее выявить вводящиеся в его законодательстве нетарифные торговые барьеры в отношениях с другими государствами интеграционного объединения. Причем в особенности это присуще асимметричным интеграционным объединениям, когда доминирующее государство (или группа государств), добиваясь «улучшения» торговых режимов для своих экспортеров, формально действуя на основе принципа взаимности, фактически компенсирует «невыгодность» режимов, принятых в рамках принципа взаимности, введением и нормативным закреплением новых нетарифных барьеров. Эти нетарифные барьеры не столь трудно квалифицировать как таковые, сколь трудно доказать, что соответствующие режимы вносят деформации в предусмотренные в рамках интеграционного объединения общие условия торгово-экономических отношений.

В модели колеса, где центр и периферия разделены государственными границами, как правило, наблюдается асимметричная интеграция (с тенденцией к ассимиляции) взаимодействующих правовых систем. Наиболее ярко эта модель воплощается в системе Всемирной торговой организации.

Второй вариант взаимодействия центра и периферии в модели колеса возникает в случае, если центр и периферия не могут быть достаточно четко разделены государственными границами, т. е. в системе отдельных интегрирующихся государств широко представлены как хозяйства «центра», так и периферийные хозяйства. В таком случае на практике возникает государственный протекционизм в отношении своих хозяйств, развитие которого имеет противоположную направленность развитию процессов интеграции. В правовом поле такой протекционизм может получать форму введения систем субсидирования и (скрытого) поощрения демпинга со стороны национальных экспортеров – с целью поддержки экспорта, а с другой стороны, с целью ограничения импорта получают применение: развитие механизмов и инструментария по введению защитных, антидемпинговых и компенсационных мер; развитие нетарифных барьеров и т. п. Такая модель взаимодействия частично представлена в системе ВТО, в особенности по вопросам регулирования торговли продукцией сельского хозяйства и текстильной промышленности. Кроме того, наличием такой модели взаимодействия в системе ВТО обусловлено развитие регулирования вопросов демпинга, субсидирования, введено регулирование по вопросам применения защитных мер. Большое внимание уделяется вопросам стандартизации.

Модель конгломерата

Модель конгломерата возникает из взаимодействия государств, экономическое развитие и потенциал которых в целом сходны по своему уровню. В случае модели конгломерата, как правило, имеет место симметричная интеграция правовых систем взаимодействующих государств.

Мировая практика интеграции показывает, что модель конгломерата реализуется на двух качественно различных уровнях – высоком и низком.

Чтобы это обосновать, приведем два значения термина конгломерат⁴²:

(а) в общенаучном плане конгломерат – механическое соединение чего-либо разнородного;

(б) в экономико-правовом ключе явление конгломерата – одна из форм объединений субъектов права, в которой происходит их функциональное слияние.

В модели конгломерата высокого уровня в ходе интеграции в целом соразмерных, «однородных» субъектов происходит их соединение хозяйственными, правовыми и/или политико-правовыми связями. При этом реальная интеграция *обуславливается* развитием и потребностями развития хозяйственных связей и *сопровождается* адекватным развитием правового регулирования, т. е. развитием правового взаимодействия интегрирующихся субъектов. Происходит функциональное слияние социально-экономических систем интегрирующихся государств, сопровождающееся интеграцией правовых систем. Такая модель ярко реализована, например, в рамках Европейского союза и частично – в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), даже несмотря на ее существенную асимметрию. Причем НАФТА, в отличие от ЕС, характеризуется тем, что политико-правовая надстройка интеграционного объединения отстает от реальных потребностей интеграции (определяемых исходя из потенциала интегрирующихся государств). Само это отставание, надо полагать, происходит и поддерживается намеренно – здесь чувствуется влияние субъ-

⁴² См.: Советский энциклопедический словарь.

ективного политического фактора, ослабляющего в данном случае действие объективных социально-экономических факторов и закономерностей интеграции.

Основным экономическим показателем, характеризующим модель конгломерата высокого уровня, является высокий удельный вес взаимной торговли в общем объеме экспорта интегрирующихся государств – в ЕС и НАФТА эта величина составляет порядка 60 %.

На определенной стадии развития модели конгломерата высокого уровня объективно возникает необходимость снижения и устранения нетарифных барьеров в торговле, происшедших из объективных различий структуры и динамики развития законодательства интегрирующихся государств. То есть объективные (исторические) различия правовых систем интегрирующихся государств становятся препятствием поступательному развитию интеграционных процессов, и требуется их нивелировать – что сегодня достаточно ярко прослеживается в развитии системы ЕС и, как показывает практика ЕС, вызывает определенные сложности не только формально-правового, но и социокультурного характера и т. п.

Модель конгломерата на низком уровне реализуется, если формально правовая и политическая интеграция начата и развивается в условиях отсутствия реальных и эффективных на уровне мирового хозяйства хозяйственных потребностей взаимодействия социально-экономических систем государств. Так, по сути, происходит механическое, функционально необусловленное и/или неэффективное соединение социально-экономических систем государств на уровне и в форме интеграции правовых систем. Эта ситуация наблюдается в системах Андского сообщества, Общего рынка Южного конуса (МЕРКОСУР), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Во многом эта картина наблюдается в процессах интеграции на постсоветском пространстве.

Модель конгломерата на низком уровне проявляет сходство с отношениями «периферийных» хозяйств (между собой) в модели колеса. Так, хозяйства и субъекты хозяйственной деятельности интегрирующихся государств в модели конгломерата низкого уровня практически, в сугубо экономическом плане, не заинтересованы в сотрудничестве между собой⁴³, а скорее склонны конкурировать в борьбе за рынки более передовых в экономическом отношении государств. Эта объективная незаинтересованность в торгово-экономическом сотрудничестве выражается также в том, что интегрирующиеся государства прямо или косвенно, как правовыми, так зачастую и неправовыми методами препятствуют проникновению агентов международной торговли конкурирующих иностранных хозяйств на свои внутренние рынки.

Основным экономическим показателем, характеризующим модель конгломерата низкого уровня, является низкий удельный вес взаимной торговли в общем объеме экспорта интегрирующихся государств – как правило, порядка 10 % и не более 20 %.

Основными тенденциями развития интеграционных процессов по модели конгломерата низкого уровня можно назвать два «симптома», проявляющихся по отдельности или комбинировано. Это:

– на уровне интеграционного объединения – тенденция хаотичного и быстрого разрастания нормативного массива интеграционного объединения (носящего количественный, но не качественный характер) с надеждой и намерением компенсировать неэффективный экономический интерес или его отсутствие развитием формальных основ сотрудничества и взаимодействия. В рамках интеграционного объединения активно происходит урегулирование отношений, которых, по сути, не существует, а порой не существует еще даже объективных основ для их возникновения. Характерный пример, когда в результате достигну-

⁴³ В рамках модели конгломерата на низком уровне эта заинтересованность в сотрудничестве государств либо лежит в политической плоскости либо в экономической сфере возникает из нежелания и/или отсутствия реальных возможностей реформировать принятые формы и методы хозяйствования, сделав их продукцию конкурентоспособной на международном рынке.

тых договоренностей государства-члены активно снижают тарифы на товары-призраки – подобно тому как Филиппины в рамках обязательств по АСЕАН по снижению тарифов во взаимной торговле с готовностью снизили тарифы на ввоз снегоуборочных машин и т. п.; – на национальном уровне – тенденция развития нетарифного регулирования отношений внешней торговли в направлении введения нетарифных барьеров. Это имело место, например, на ранних стадиях развития ЕС/ЕЭС, в том числе и в особенности в отношениях Великобритании с государствами – членами ЕС/ЕЭС после ее присоединения, что частично сохраняется и поныне.

Говоря о модели конгломерата с целью более четко оценить эту модель, следует упомянуть о позиции ряда авторов в отношении так называемых «двух направлений интеграции»⁴⁴. Выделяют *институциональную интеграцию* и *реальную*⁴⁵, указывая при этом, что речь идет о *различных* направлениях интеграции (с чем, вообще говоря, нельзя согласиться). В концепции, о которой идет речь, институциональная интеграция осуществляется на уровне надстройки политическими средствами, затрагивая институциональные аспекты хозяйственной деятельности интегрирующихся стран. В рамках этого направления страны договариваются о симметричных изменениях национальной нормативно-правовой базы, регулирующей хозяйственную деятельность каждой из них, заключают договоры и соглашения по направлениям взаимодействия национальных хозяйств, создают необходимые для обеспечения этого взаимодействия совместные организации⁴⁶. Второе направление – в рассматриваемой концепции «реальная интеграция» – направлена на создание как можно более благоприятных условий для хозяйственной деятельности экономических операторов стран – участниц объединения, что прокладывает путь к непосредственному сближению хозяйственных структур стран-партнеров⁴⁷.

Такое разделение на «два направления интеграции», безусловно, не вполне корректно и в определенном смысле «близоруко»: практически невозможно говорить об успешной интеграции, сделав выбор в пользу лишь одного из этих направлений. Вместе с тем необходимо указать на конструктивность такого разграничения *сфер* интеграции, поскольку именно их двуединство и адекватное соотношение указывают на эффективность реальной интеграции (в смысле ее «результативности»), а не принадлежности процессов интеграции к социально-экономической сфере).

Следовательно, объективно, в силу специфики мирохозяйственных связей, сегодня невозможно развивать реальную («результативную») интеграцию вне институциональной и правовой базы, ее обеспечивающей. При этом конгломерат высокого уровня – модель, в которой установлено адекватное соотношение «двух направлений интеграции», когда политико-правовая надстройка развивается оперативно вслед и адекватно развитию потребностей «реальной интеграции» в социально-экономической сфере. В конгломерате низкого уровня фактически отсутствует реальная интеграция (как в смысле ее результативности, так и в социально-экономическом плане) в силу социально-экономических условий и «среды», существующей у интегрирующихся государств, а политическая воля, выражающая желание, но не возможности интегрироваться, стимулирует зачастую хаотичное, фор-

⁴⁴ См. работу авторского коллектива под руководством проф. В. А. Покровского «Региональные экономические объединения и использование их опыта в СНГ». М., 2002. С. 5.

⁴⁵ Напомним, что, в отличие от рассматриваемого подхода, в нашем понимании *реальная интеграция* – «результативная», т. е. интеграция, в ходе которой достигаются цели и решаются задачи, поставленные перед интеграционным объединением, тогда как в концепции рассматриваемого подхода *реальная интеграция* – суть интеграция в социально-экономическом плане (до определенной степени противопоставляемая интеграции в политико-правовой сфере – так называемой «институциональной интеграции»).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

сируемое политическими средствами развитие политико-правовой надстройки – подобно возведению здания без фундамента.

Таковы и результаты: конгломераты низкого уровня характеризуются тенденцией к разрастанию политико-правовой надстройки с намерением компенсировать отсутствие базисных для реальной интеграции основ социально-экономического характера во взаимодействии интегрирующихся государств. Этот подход непродуктивен, как известно из практики, но можно и теоретически обосновать его несостоятельность, – следовало бы избегать его практической реализации, чего, к сожалению, не происходит.

Приведенные модели взаимодействия государств в ходе их интеграции, естественно, остаются лишь моделями, потому что абсолютно «чистых» форм на практике не существует. В любом интеграционном объединении происходит взаимодействие экономик государств, поддерживаемое как на уровне их правовых систем, так и опосредовано международно-правовыми нормами, как в формах взаимного дополнения, так и по модели колеса, либо по одной из моделей конгломерата. Тем не менее каждое конкретное интеграционное объединение в целом может быть охарактеризовано преобладанием («доминированием») определенной модели развития интеграции. При этом другие модели могут проявлять себя одновременно с «доминирующей» на той или иной стадии развития интеграционного объединения либо в той или иной отрасли экономик взаимодействующих государств.

Можно утверждать, применяя общие характеристики различных моделей интеграции к опыту развития процессов международной интеграции, что в системе ВТО развитие интеграции идет с доминированием модели колеса, ЕС в большей мере развивается по модели конгломерата высокого уровня. Россия, к сожалению, скорее склонна развивать свои межгосударственные отношения интеграционного характера по модели конгломерата низкого уровня.

Повторимся, что критерий экономической эффективности интеграции (а именно высокая доля торгово-экономических отношений государств интеграционного объединения между собой в их совокупном объеме) позволяет говорить о высокой (экономической) эффективности развития интеграционных процессов в системах ВТО и ЕС. Российская Федерация, в условиях признанной необходимости развития интеграционных процессов с ее участием, должна ориентироваться на развитие интеграции с доминированием модели колеса либо модели конгломерата высокого уровня, – если интерпретировать опыт интеграции ВТО и ЕС. Однако надо признать, для нашей страны чрезвычайно проблематично найти себе сопоставимых по уровню социально-экономического развития и потенциалу партнеров для международной интеграции, а следовательно, формирование системы по модели конгломерата высокого уровня изначально представляется достаточно затруднительным. Следовательно, концептуальный подход к формированию интеграционных объединений с участием Российской Федерации наиболее предпочтительно основывать на признании необходимости доминирования модели колеса для подобного образования.

ВТО И ЕС: Общее и особенное в правовом регулировании процессов торгово-экономической интеграции

Почему ВТО и ЕС?

Из множества известных в мировой практике интеграционных объединений с целью анализа эффективности правового регулирования торгово-экономической интеграции целесообразнее всего обратиться к опыту Всемирной торговой организации и Европейского союза, причем рассмотреть этот опыт в сравнительно-правовом ключе.

Применению этого подхода есть свое обоснование.

Во-первых, эти организации, по мнению специалистов – представителей самых различных отраслей общественных, экономических и юридических наук, являются лидерами, дальше всех остальных продвинувшимися на пути развития процессов международной торгово-экономической интеграции во всех ее проявлениях. Во-вторых, история, современное состояние и тенденции развития этих организаций и порождаемых ими правовых систем проявляют значительное сходство⁴⁸. Кроме того, в силу сходства в развитии этих международных организаций тем более существенными и заслуживающими внимания представляются различия правовых систем ВТО и ЕС, поскольку анализ этих различий позволяет более адекватно и четко установить социально-правовые связи во взаимодействии социально-экономических и политико-правовых систем государств в рамках правового поля исследуемых международных организаций.

В свою очередь, установление закономерностей социально-правовых связей, возникающих во взаимодействии социально-экономических и политико-правовых систем государств в рамках интеграционного объединения, позволяет применить позитивный опыт торгово-экономической интеграции в развитии конкретных интеграционных объединений и процессов, а также с учетом конкретно-исторических социально-экономических обстоятельств, характерных для государства, в практике которого предполагается применить имеющийся опыт интеграции.

Итак, на основе сопоставлений международно-правовых целей ВТО и ЕС, принципов и предметов регулирования, других статических, а также динамических компонентов правовых систем ВТО и ЕС попытаемся выявить закономерности правового регулирования торгово-экономической интеграции и общие характеристики, обуславливающие эффективность интеграционных процессов в социально-экономическом и политико-правовом контексте. Однако прежде предпримем попытку установить природу «права интеграции» – одного из базовых явлений и его характеристик, лежащих в основе сравнительно-правового исследования интеграционных процессов и объединений.

Природа «права интеграции»

Правовое регулирование, осуществляющееся в ходе торгово-экономической интеграции, развивается как на уровне национальных правовых систем интегрирующихся госу-

⁴⁸ На сходства развития правовых систем ГАТТ и Римского договора о ЕЭС указывает, например, Ю. М. Юмашев: «Принципы, цели и торгово-политические инструменты их достижения ГАТТ и Римского договора имеют много общего. Более того, при их разработке Сообщество ориентировалось на ГАТТ» (Юмашев Ю. М. Международно-правовые формы внешнеэкономических связей ЕЭС. М., 1989. С. 215).

дарств, так и в системе международного публичного права. Предметы регулирования в рамках интеграционного объединения составляют две основные группы отношений:

1) непосредственные отношения государств-участников, их права и обязательства во взаимоотношениях, а также по отношению к международной организации, осуществляющей функции, связанные с организационно-правовым обеспечением интеграционных процессов;

2) отношения между государствами и международной организацией, возникающие по поводу внутригосударственных правовых режимов, установленных в национальных правовых системах, регулирование которых обусловлено обязательствами государства, принятыми на основании договора интеграции в соответствии с целями, принципами и правилами, определенными соответствующим международным договором. В данном случае имеет место «рамочное» регулирование вопросов развития национального законодательства на основании международного договора и/или в системе международной организации. Практическая реализация процессов интеграции требует, чтобы развитие национального законодательства государств осуществлялось в рамках, на основании и в соответствии с основополагающими целями и принципами, установленными международным договором либо в системе международной организации, выражающих потребности интеграционного объединения и процессов интеграции.

Таким образом, «право интеграции» по своей природе принадлежит международному публичному праву, несмотря на то, что содержит некоторые черты и характеристики, а также использует на практике методы, до определенной степени чуждые международному публичному праву на данной стадии его становления (чуждые скорее в силу неразвитости международного права, нежели противоречащие его природе). Специфика «права интеграции» заключается главным образом в том, что нормы «права интеграции» являются скорее *общими* (конвергентными) для интегрирующихся государств, нежели регулирующими отношения *между* государствами. *Нормы «права интеграции» есть (обще)признанные в рамках интеграционного объединения и отношениях между государствами нормы международного права (включая отдельные правовые положения норм международного права, необходимым образом имплементированные в национальные правовые системы государств – членов интеграционного объединения)*. Так, общность для национальных правовых систем группы государств комплекса норм и/или правовых положений, вытекающих из международного права и/или носящих публично-правовой характер, является одним из характерных признаков, указывающих на то, что имеют место процессы интеграции.

Таким образом, «право ВТО» и «право ЕС» есть «право интеграции».

Доктрина «права интеграции»

Важнейшее значение в развитии «права интеграции», если речь идет о *реальной* торгово-экономической интеграции государств, на современном этапе приобретает доктрина экономического права и конкуренции (в представленном контексте – доктрина интеграции), лежащая в основе политико-правовой и социально-экономической практики интеграционного объединения.

Доктрины интеграции ВТО и ЕС в целом сходны и основываются на следующем.

В современной доктрине систем ВТО и ЕС *экономическое право* включает элементы публичного права и элементы частного права. Для экономического правопорядка, формирующегося в рамках ВТО и ЕС, характерным базисом служат:

– собственность;

– договорное право, отражающее принцип свободы заключения договора, не вступающего в противоречие с императивными принципами и нормами международного и национального права;

– поддержание справедливой и добросовестной конкуренции в мировой и национальных экономических системах (на мировых и национальных рынках).

Таким образом, доминирующая на практике доктрина может быть сформулирована следующим образом: развитие/рост экономики требует обеспечения правовыми средствами (в национальных правовых системах и международных отношениях) принципа свободы заключения договора, который будет действовать лишь постольку и до тех пор, пока и поскольку существует конкуренция (поддержание которой, в свою очередь, требует адекватного правового регулирования). Конкуренция имеет каузальное (причинное) значение для заключения договоров, равно как поддерживает условия и для свободного заключения договоров.

Именно эта доктрина объективно определяет существующий формат и тенденции развития таких интеграционных объединений, как ВТО и ЕС.

В свою очередь, существует некоторое разнообразие доктрин конкуренции, практиковавшихся в разное время различными субъектами международного права. Тем не менее доктрина конкуренции и в системе ВТО, и в ЕС в целом базируется на концепции потенциальной конкуренции⁴⁹, согласно которой в условиях либерального рынка активно действующая на рынке компания может добиться успехов и реализовать свои конкурентные преимущества даже в условиях наличия на этом рынке крупных компаний, имеющих доминирующее положение. То есть речь идет о функциональной – динамической конкуренции (а не об организационной – статической), когда презюмируется, что факт существования крупных компаний (монопольного характера) не является фактором, существование которого само по себе ограничивающим конкуренцию. Таким образом, нельзя говорить о нарушении условий конкуренции на рынках только в силу *существования* на этих рынках крупных компаний – нарушение условий конкуренции может иметь место лишь в силу *действий*, предпринимаемых субъектами права.

Государства в силу своей природы имеют возможность ограничивать иностранную конкуренцию на своих внутренних рынках. В рамках же интеграционных объединений, напротив, одной из центральных задач становится ограничение усмотрения государства, направленного на установление (прямых или косвенных) ограничений иностранной конкуренции – правил доступа на внутренние рынки товаров, лиц и т. п., поскольку применение методов и средств ограничения иностранной конкуренции в национальных правовых системах интегрирующихся государств имеет противоположную направленность процессам формирования общего рынка (а в перспективе, возможно, и единого экономического пространства – если ставится подобная цель) интеграционного объединения.

Для ЕС характерно существенное развитие на уровне Сообщества регулирования вопросов обеспечения добросовестной конкуренции. Акты Сообщества, принимаемые по вопросам обеспечения добросовестной конкуренции, относятся и к положению государств, действия которых могут признаваться как ограничивающие условия добросовестной конкуренции, так и к положению частных лиц, если их действия деформируют конкурентный порядок Сообщества.

В ВТО вопросы обеспечения условий добросовестной конкуренции формально урегулированы крайне незначительно, однако практика и тенденции развития отношений между государствами в системе ВТО свидетельствуют о том, что существующие инструменты

⁴⁹ Более подробно см., например: Юмашев Ю. М. Политика и правила конкуренции Европейского сообщества (ЕС) // Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие. М., 2002. С. 155–191.

системы в достаточной степени ограничивают возможности государств-членов препятствовать иностранной конкуренции на своих внутренних рынках. При этом тем не менее вне поля регулирования ВТО остаются вопросы контроля и обеспечения добросовестности в конкурентных отношениях частных лиц, принадлежащих юрисдикции государств – членов ВТО, что со временем может составить проблему, остро нуждающуюся в правовом регулировании, поскольку сохранение такого положения дел может привести к монополизации мировых рынков, последствия которой сегодня трудно предсказать.

Международно-правовые цели и принципы интеграции

Международное право традиционно опирается на комплекс целей и принципов, в рамках которых осуществляется развитие международных отношений, углубление их регулирования, а также дальнейшее развитие собственно международного права.

Международно-правовая цель есть модель желаемого состояния в будущем, которую субъекты согласились реализовывать совместными усилиями и придали ей юридическую силу.

Международно-правовой принцип есть обобщенная норма, обладающая высшей юридической силой, отражающая и содержащая коренные интересы государств в их международно-правовом сотрудничестве⁵⁰.

ВТО и ЕС, будучи по своей природе субъектами международного права, традиционно (как в рамках международного права, так и для международных организаций) опираются на комплекс международно-правовых целей и принципов, как общих для системы международного права, так и непосредственно установленных в учредительных и/или системообразующих для этих организаций международных договорах и соглашениях.

При сравнении целей и принципов ВТО и ЕС трудно говорить об их полной эквивалентности, однако можно указать на глубокое системное сходство, одинаковую направленность, опору на сходные методы и подходы к достижению обозначенных целей и реализации заложенных системных принципов.

Цели интеграции. Как правило, международные договоры и соглашения, лежащие в основе развития процессов интеграции, прямо включают цели, достижению которых они призваны служить. Кроме того, цели интеграции устанавливаются при учреждении международной организации, сопряженной с решением задач торгово-экономической интеграции.

Основной целью, достижению которой призвана служить ВТО, является содействие глобальному экономическому сотрудничеству, обеспечение справедливости и открытости многосторонней торговой системы, формирующейся под эгидой ВТО, на благо всех людей мира. Учреждением ВТО предполагается также упрочить мировую экономику, привести к росту торговли, инвестиций, занятости и доходов повсеместно в мире⁵¹.

В более развернутом и конкретном виде эта цель получает следующее выражение: отношения между государствами-членами в сфере торговли и экономики должны осуществляться с намерением повысить уровень жизни, уровень занятости, обеспечить высокий и устойчивый рост реальных доходов, расширение производства и торговли товарами и услугами, в условиях оптимального использования мировых ресурсов и обеспечения охраны окружающей среды, а также с учетом различного уровня экономического развития государств-членов⁵².

⁵⁰ Определения международно-правовой цели и принципа даны на основании работы: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2001. С. 126, 131.

⁵¹ Эти положения содержатся в Марракешской декларации 1994 г., принятой в связи с учреждением ВТО.

⁵² Эти цели представлены в преамбуле Марракешского соглашения об учреждении ВТО 1994 г.

Предполагается, что на практике эта цель в системе ВТО может быть достигнута за счет и в ходе либерализации международной торговли путем отказа государств от практики дискриминации в торгово-экономических отношениях, а также снижения и устранения установленных государствами (прямо или косвенно) барьеров в международной торговле. Так, в системе ВТО предполагается, что государство имеет право защищать свой внутренний рынок и производителей, но только таможенным тарифом, установленным и взимаемым при импорте товаров. То есть нетарифные барьеры в международной торговле должны быть (со временем – полностью) устранены, а ставки таможенных тарифов – снижаться в переговорном процессе, т. е. сводиться к минимуму.

Цели ЕЭС/ЕС⁵³ заключаются в гармоничном и сбалансированном развитии экономической деятельности, устойчивом и безинфляционном росте с учетом потребностей защиты окружающей среды, высоком уровне согласованности экономической политики, росте уровня занятости и социальной защиты, росте уровня и качества жизни, экономической и социальной солидарности между государствами-членами.

Предполагается, что эта цель может быть достигнута главным образом за счет формирования общего рынка Сообщества. Формирование общего рынка ЕЭС базировалось на «трех китах», а именно: 1) устранении препятствий к свободному движению товаров, лиц, услуг и капитала; 2) поддержании конкуренции на внутреннем рынке субъектов Сообщества; 3) осуществлении государствами-членами сообщества общей торгово-экономической политики.

Вслед за формированием общего рынка для достижения целей интеграции предполагалось создать валютно-финансовый союз. Одновременно с процессами формирования общего рынка проводились работы по созданию механизмов регулирования государственной политики членов Сообщества – по сути, речь шла о регламентации в рамках Сообщества вопросов разграничения компетенции в различных сферах между государствами-членами и сообществом.

Таким образом, сходство целей и способов, направленных на практике на их достижение, в ВТО и ЕС не вызывает сомнений. Обобщая этот опыт, можно указать, что *фундаментальное сходство целей интеграции, провозглашенных в рамках ВТО и ЕС, состоит в ключевой задаче интеграции – повышении уровня и качества жизни граждан интегрирующихся государств. Предполагается, что эта цель может и должна быть достигнута за счет снижения и/или полного устранения торгово-экономических барьеров в отношениях между государствами.*

Принципы, провозглашенные в связи с учреждением интеграционного объединения, – чрезвычайно важный источник в массиве «права интеграции», практическое значение которого трудно переоценить, тем более что принципы, по общему правилу, в международном праве обладают высшей юридической силой. Действительно, коль скоро в ходе интеграции существенное значение приобретают обеспечиваемые в национальных правовых системах торгово-экономические режимы, именно принципы, сформулированные на международно-правовом уровне и отражающие потребности интеграции, задают основы и рамки для развития правового регулирования на национальном уровне вопросов, регламентация которых способна внести существенный вклад в обеспечение реальных возможностей развития процессов международной интеграции.

Так, в условиях принятия принципов на уровне интеграционного объединения, с одной стороны, создаются формальные рамки правотворчества государств-членов, с другой – стимулируется развитие фактических условий для правореализации. Поскольку государство

⁵³ В данном случае речь идет о целях, установленных в основном, системообразующем договоре ЕС – Римском договоре 1957 г.

связано обязательством соблюдения принципов, установленных в системе интеграционного объединения, оно должно необходимым образом регламентировать и обеспечить возможности реализации прав и законных интересов субъектов правового общения, возникающих в ходе осуществления ими хозяйственной деятельности в рамках интеграционного объединения.

Для достижения целей интеграции ВТО в своей деятельности руководствуется следующими принципами⁵⁴:

– в международной торговле не должно быть места дискриминации: по общему правилу члены ВТО не должны дискриминировать своих торговых партнеров – на всех в равной мере должен распространяться режим наибольшего благоприятствования; члены ВТО не должны дискриминировать иностранные продукты, услуги или подданных (как субъектов отношений международной торговли) – им должен быть предоставлен национальный режим;

– в международной торговле должно уменьшаться число торговых барьеров, причем это должно происходить в переговорном процессе;

– правовое регулирование в сфере отношений международной торговли должно быть прозрачным и предсказуемым: все (как публичные, так и частные лица) должны быть уверены в том, что торговые барьеры не будут вводиться произвольно;

– в системе международной торговли должна развиваться и поддерживаться справедливая и добросовестная конкуренция;

– в отношениях международной торговли должны быть созданы более выгодные условия для развивающихся и наименее развитых стран.

Фундаментальными принципами ЕС являются⁵⁵:

– принцип субсидиарности и пропорциональности;

– принцип соблюдения права Сообщества (или солидарности);

– запрет дискриминации по признаку подданства лица.

Как видно, на первый взгляд трудно провести прямые параллели между принципами ВТО и ЕС. Принципы ЕС в большей мере относятся к определению соотношения национального права и «права интеграции», тогда как принципы ВТО в большей мере относятся к определению общих направлений и ограничений в развитии «права интеграции» и национального права государств-членов. Между тем параллели в содержании международно-правовых принципов ВТО и ЕС становятся более очевидными, если, с одной стороны, соотнести принципы ВТО с формально установленными международно-правовыми целями ЕС и практикующимися в ЕС способами их достижения, и, с другой стороны, обратиться к комплексному анализу принципов и функций этих международных организаций в контексте стоящих перед ними целей.

Обратиться к последнему удобнее, взяв за основу принципы ЕС.

А. Принцип субсидиарности и пропорциональности ЕС vs. принципы и функции ВТО

Принцип субсидиарности – общий принцип, на основании которого разграничиваются компетенции между государствами-членами и Сообществом в вопросах, решение которых не входит исключительно в полномочия Сообщества. Устанавливается, что Суще-

⁵⁴ Эти принципы не консолидированы в нормативном массиве ВТО, но в совокупности вытекают из норм и положений Устава и соглашений системы ВТО.

⁵⁵ Статьи 3b, 5 и 6 Римского договора.

ство должно действовать в рамках полномочий, переданных ему на основании Договора⁵⁶ и согласно целям, поставленным при его учреждении. По вопросам, которые не отнесены к исключительной компетенции Сообщества, оно действует в соответствии с принципом субсидиарности постольку и настолько, поскольку и насколько цели, ради достижения которых действует Сообщество, не могут быть достигнуты усилиями государств-членов, но с большей эффективностью могут быть достигнуты усилиями Сообщества.

В системе ВТО прямо не предусмотрено принцип субсидиарности, вместе с тем к функциям ВТО учредители отнесли то, что ВТО должна способствовать введению в действие, исполнению и применению, а также осуществлению целей, достигнутых в ее формате торговых соглашений, что по сути формирует международно-правовые основы для практического появления и проявления характерных особенностей принципа субсидиарности.

На практике в системе ВТО осуществляется *косвенное* воздействие на развитие правовых систем государств-членов, тогда как в ЕС это воздействие более *непосредственное*. В перспективе особенно после принятия ТРИПС, в системе ВТО можно ожидать дальнейшего развития принципа субсидиарности, поскольку, например, ТРИПС воплощает новую для ВТО, однако характерную и широко применяющуюся в ЕС форму акта, называемую в системе ЕС Директивой. Факт принятия такого акта порождает для государств-членов обязательство необходимым образом имплементировать в национальном законодательстве в установленные сроки все материальные положения этого акта, принятого в рамках соответствующей международной организации.

Принцип пропорциональности, или разумности, ЕЭС/ЕС развился как общеправовой принцип ЕС из прецедентного права Суда ЕС и гласит следующее: любое действие Сообщества не должно простирается далее, того, что требуется для достижения целей Договора. Таким образом, принцип пропорциональности по сути ограничивает компетенцию Сообщества решением вопросов, отнесенных к кругу его целей и задач.

Аналогию принципа пропорциональности, с одной стороны, и принципа субсидиарности – с другой, свойственных системе ЕЭС/ЕС, в системе ВТО можно найти, обратившись к ее Уставу⁵⁷, утверждающему, что ВТО наделяется всеми своими членами правоспособностью, необходимой для осуществления ее функций.

Несмотря на то, что это – общее правило, характерное для множества международных организаций, на практике эти принципы активно воплощаются лишь в ЕС, а также, хотя и чуть менее активно, в ВТО.

Б. Принцип соблюдения права Сообщества ЕС vs. принципы и функции ВТО

Принцип соблюдения права ЕС содержит два позитивных обязательства государств – членов ЕС стороны и одно негативное и означает следующее:

- государства-члены должны предпринимать все необходимые меры с целью обеспечения исполнения обязательств, возникающих непосредственно из Договора или из действий, предпринимаемых органами Сообщества;
- способствовать и содействовать достижению целей сообщества;
- воздержаться от применения мер, которые могут подвергнуть риску возможность достижения целей Договора.

⁵⁶ Здесь и далее Договор – Римский договор 1957 г., иногда называемый «Конституцией ЕЭС».

⁵⁷ Марракешское соглашение об учреждении ВТО. 1994. Ч. 1. Ст. VIII.

В правовой системе ВТО существует обязательство, согласно которому государства, подписавшие Устав ВТО, должным образом обеспечивают имплементацию в национальных правовых системах в установленные сроки правоположений и обязательств, вытекающих для них из принятых в качестве приложений к Уставу соглашений и других актов ВТО, в необходимой для адекватной право-реализации полноте⁵⁸.

Общее сходство, таким образом, очевидно.

По общему правилу большинством государств признается, что в случае возникновения коллизии между нормой национального права и международно-правовой нормой должна применяться норма международного права. Только подобный подход позволяет усилить роль международного права, а следовательно, сделать отношения между государствами более цивилизованными и предсказуемыми. Однако на практике свое наиболее полное и глубокое развитие этот принцип получает главным образом лишь в рамках интеграционных объединений в силу того, что практические социально-экономические потребности и интересы субъектов правового общения там тесно сплетены. Тем самым порождается практическая необходимость соблюдения «права интеграции». Следовательно, и на практике в национальных правовых системах интегрирующихся государств активно происходит развитие механизмов имплементации норм «права интеграции».

В. Принцип запрета дискриминации по признаку подданства лица ЕС vs. принцип недискриминации ВТО

В формулировке принципа запрета дискриминации ЕС не оговаривается ни круг лиц, на которые он распространяется, ни предметов регулирования, в отношении которых он должен применяться. По существу, как фундаментальный принцип ЕС он обращен к любому действию государств-членов, органов государств-членов, а также институтам и органам Сообщества. Формально этот принцип не связывает обязательствами частных лиц, принадлежащих юрисдикции государств Сообщества.

Судебная практика ЕС пока не сформировала четкой позиции по применению обязательств, вытекающих из этого принципа, к отношениям между частными лицами и не дала однозначного ответа. В силу того, что в национальных правовых системах для частного права государств – членов ЕС характерна и устанавливается необходимость поддержания и соблюдения разумного баланса свобод индивидуумов (частных лиц), по ряду вопросов Суд ЕС проявил склонность считать, что норма о запрете дискриминации ЕС должна применяться по определенному кругу вопросов и в отношениях между частными лицами. Это признается допустимым, в особенности если действия одних частных лиц в отношении других частных лиц (принадлежащих юрисдикции различных государств) можно рассматривать как ограничивающие права субъектов правового общения Сообщества, связанные и вытекающие из целей и принципов Сообщества. То есть если действия частных лиц приводят к фактической дискриминации других частных лиц (принадлежащих юрисдикции другого государства – члена ЕС), правомерность этих действий может быть поставлена под сомнение на уровне Сообщества – по сути на публично-правовом уровне. При этом решение Суда ЕС будет иметь обязательную силу и для частных лиц, принадлежащих юрисдикции государств – членов Сообщества, поскольку оно было принято в отношении них.

Принцип недискриминации ВТО – фундаментальный принцип этой организации. Характерным для ВТО является то, что принцип недискриминации в правовой системе ВТО распадается на два компонента. Во-первых, члены ВТО не должны дискриминировать других членов ВТО – государства-члены обязаны в равной мере предоставить режим наиболь-

⁵⁸ Там же. Ч. 2. Ст. XIV.

шего благоприятствования всем прочим членам ВТО на безусловной основе; во-вторых, члены ВТО обязуются предоставить национальный режим операторам/агентам международной торговли по вопросам, урегулированным в системе соглашений ВТО. Вместе с тем в системе ВТО, с одной стороны, допускается ряд исключений и оговорок в предоставлении режима наибольшего благоприятствования, с другой – не во всех сферах, охваченных соглашениями, достигнута договоренность о применении национального режима в отношении объектов регулирования.

Существующие ограничения применения принципа недискриминации в системе ВТО выражаются в таких формах как, например, разрешение применения «лучших»/преференциальных режимов в торговле с развивающимися странами, допустимость применения режимов наибольшего благоприятствования на расширенной правовой основе только в отношениях между географически соседствующими субъектами, а также право создания субъектами ВТО зон свободной торговли и таможенных союзов, режимы которых не будут применяться в отношениях с третьими странами. Ограничения принципа недискриминации в системе ВТО во многом обусловлены именно глобальностью интеграции в рамках ВТО, а именно такими ее признаками, как взаимодействие разнородных по своему социально-экономическому, политическому, культурному развитию государств, а также особенностями взаимодействия географически отдаленных субъектов (не принадлежащих одному географическому району или региону планеты). Тем более важно, что, даже несмотря на существующие различия государств – членов ВТО, в системе ВТО достигнута договоренность (в форме общего международно-правового принципа запрета дискриминации) на многосторонней основе по ограничению применения на публично-правовом уровне дискриминационных мер различного рода и в отношении различных лиц.

Характерно и даже парадоксально то, что *в правовой системе ВТО ограничения принципа недискриминации, по сути своей, призваны способствовать развитию интеграционных процессов в мире, но не ограничивать их.* Так, в силу более широких возможностей для торгового и социально-экономического взаимодействия, сотрудничества и роста на уровне региональной интеграции (уже в силу природы региональной интеграции), *ВТО стремится использовать процессы региональной интеграции в достижении целей глобальной торгово-экономической интеграции, осуществляющейся в ее рамках.* Кроме того допущение преференциальных режимов в торговле с развивающимися странами в системе ВТО призвано служить лишним фактором и основанием, способствующим стимулированию сокращения разрыва в уровнях экономического развития государств – членов ВТО, а по сути – государств мира.

Между тем в системе ВТО не предусматривается возможность применения принципа недискриминации в отношениях между частными лицами, принадлежащими юрисдикции различных государств-членов. Таким образом, этот принцип остается публично-правовым, и на него нельзя ссылаться, говоря о правомерности или неправомерности действий одного частного лица, которое совершает действия, имеющие результатом дискриминацию другого частного лица, если частные лица принадлежат юрисдикции различных государств – членов ВТО, а применяющиеся по соответствующему национальному законодательству нормы, правила и режимы не дают исчерпывающего ответа о правомерности такой дискриминации.

Общим для ВТО и ЕС является то, что принцип недискриминации должен применяться и соблюдаться по меньшей мере на публично-правовом уровне в рамках обеих рассматриваемых международных организаций. Важность этого принципа в развитии процессов интеграции состоит в том, что он призван обеспечить формальное равенство субъектов этих международных организаций. Кроме того, во многом благодаря этому принципу закладываются основы для обеспечения в национальных правовых системах режимов для частных лиц (в том числе принадлежащим юрисдикции различных государств-членов), адекватных

потребностям международного торгово-экономического взаимодействия и развития экономических связей внутри интеграционного объединения.

Заключая характеристики комплексов международно-правовых принципов, свойственных ВТО и ЕС, можно указать следующее.

Международно-правовые принципы интеграционного объединения – важнейший источник «права интеграции». На основании и в рамках этих принципов развивается как нормативный, так и институциональный компоненты системы международной организации, связанной с интеграционным объединением, а также осуществляется имплементация положений актов международно-правового характера в национальных правовых системах интегрирующихся государств.

Особое место и значение в рамках интеграционного объединения приобретает принцип недискриминации, составляющий международно-правовое обязательство интегрирующихся государств.

Предметы регулирования

Предметы регулирования в рамках интеграционных объединений ВТО и ЕС сходны, поскольку в системах этих международных организаций регулируются общие для них вопросы – международных торгово-экономических отношений.

Очевидно, в существующей на сегодняшний день системе так называемого Европейского союза круг вопросов, по которым осуществляется взаимодействие интегрирующихся государств, постоянно расширяется и уже вышел за рамки спектра торгово-экономической интеграции. Тем не менее для данного исследования наибольший интерес представляет круг вопросов, связанных с регулированием отношений в сфере международной торговли и экономических связей в рамках ЕЭС/ЕС, что можно считать допустимым, в особенности принимая во внимание, что именно потребности развития торгово-экономических связей в рамках ЕЭС/ЕС привели к необходимости расширения и углубления правового регулирования процессов интеграции на международно-правовом уровне (в том числе и в системе Европейского союза).

ВТО на сегодняшний день ограничивается регулированием вопросов международной торговли и сопряженных с нею сфер на публично-правовом уровне. Ввиду ограниченности предметов регулирования в системе ВТО, по сравнению с ЕС, при рассмотрении для удобства, положим в основу предметы регулирования в этой системе: отношения в торговле товарами, отношения в торговле услугами, а также отношения по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности.

Характерно для обеих организаций, что в рамках соответствующих интеграционных процессов первыми свое регулирование получили вопросы международной торговли товарами, и лишь затем, весьма постепенно, планомерно и «мягко» – вопросы международной торговли услугами.

В настоящее время наиболее полное и развитое регулирование и в системе ВТО, и в системе ЕС имеют вопросы международной торговли товарами. Это не удивительно уже потому, что исторически торговля товарами – наиболее ранняя и наиболее развитая форма международных экономических отношений. Таким образом, и в системе ВТО, и в системе ЕС достаточно глубоко проработаны вопросы преодоления тарифных и нетарифных барьеров в торговле товарами. При этом в ЕС по многим и многим позициям эти барьеры (внутри интеграционного объединения, но не в отношениях с третьими странами) фактически устранены. ВТО, естественно, отстает от ЕС в этом аспекте поскольку имеет в своем составе на порядок больше государств-членов, которых к тому же характеризует значительное разнообразие условий и уровней социально-экономического развития. Кроме того, процессы

либерализации международной торговли товарами на глобальном уровне объективно протекают медленнее, нежели на региональном уровне (в силу природы глобальных процессов).

В то же время ЕС существенно дальше, нежели ВТО, продвинулся в отношении регулирования вопросов торговли услугами. Помимо того что, как уже было отмечено, скорость процессов интеграции объективно и естественно различна на глобальном и региональном уровнях, более развитое регулирование вопросов торговли услугами в системе ЕС объясняется воздействием такого существенного фактора, как «близость» государств – членов ЕС в социально-экономическом и в политико-правовом, а также культурном, географическом плане и т. п.

Действительно, либерализация международной торговли услугами на глобальном уровне встречает массу преград самого разнообразного характера – от глубокого историко-культурного различия государств – членов ВТО до разнонаправленных (в том числе и антагонистических) политических и экономических интересов государств – членов ВТО. Тем не менее в ВТО процесс либерализации на международно-правовом уровне вопросов торговли услугами и его правового регулирования продвинулся достаточно далеко. Так, по общему правилу ВТО в регулировании режимов международной торговли услугами в национальных правовых системах государства-члены должны применять принцип наибольшего благоприятствования на безусловной основе. То есть в существующем формате регулирования торговли услугами на международно-правовом уровне в ВТО установлен запрет дискриминации государств-членов при предоставлении их лицам доступа на рынки по секторам торговли услугами, в которых допущена иностранная конкуренция. Требования безусловного предоставления национального режима услугам и лицам, их предоставляющим, иностранного происхождения в системе ВТО пока не предусмотрено (и не планируется в ближайшей перспективе).

Вместе с тем необходимо отметить, что по ряду вопросов в развитии правового регулирования интеграционных процессов предметно ЕС существенно ушла вперед по сравнению с ВТО. Так, в ЕС достаточно глубоко и полно разработаны вопросы регулирования движения капиталов и лиц, в ВТО – лишь намечаются общие подходы к их решению. Это не удивительно уже потому, что государства – члены ВТО значительно отличаются своим социально-экономическим развитием от государств – членов ЕС и форсировать установление общего правового регулирования вопросов движения капиталов и лиц в системе ВТО в целом на сегодняшний день просто невыгодно ни развитым, ни развивающимся странам. При этом, естественно, развитые страны не стремятся открывать свои рынки труда, а развивающиеся страны не спешат либерализовать свои режимы на рынках инвестиций, в финансовой сфере и по другим вопросам, связанным с движением капитала. Между тем на практике это не означает, что в рамках ВТО не прилагается усилий в направлении расширения предметов регулирования и преодоления противоречий интересов государств-членов. Так, в системе ВТО происходят планомерно и плавно текущие переговоры по указанным вопросам, но ни в коем случае нет стремления форсировать разрешение поставленных в переговорах вопросов в политико-правовом ключе государствами-членами. Сам факт того, что переговоры по разнообразным направлениям интеграции ведутся, характеризует процесс интеграции в рамках ВТО как весьма конструктивный, так как по многим позициям объективно можно говорить об антагонизме интересов развитых и развивающихся стран. В целом можно отметить, что ВТО демонстрирует своей историей успешное преодоление на практике, в переговорном процессе, проблем, возникающих на пути становления интеграции в ВТО, что лишь еще раз подтверждает эффективность механизмов интеграции ВТО.

В отношении защиты интеллектуальной собственности по многим позициям ВТО продвинулась в регулировании этого круга вопросов даже дальше (во всяком случае в качественном плане), нежели ЕС. Например, в системе ВТО существует единый акт – Соглаше-

ние по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), отражающий все наиболее существенные материально-правовые положения по защите интеллектуальной собственности, которые должны быть (с учетом допустимого усмотрения государств – членов ВТО) имплементированы в правовых системах государств-членов во всей полноте, необходимой для их правореализации. В ЕС между тем существует значительная разрозненность нормативного массива, посвященного регулированию этого круга вопросов, хотя для практики торгово-экономической интеграции было бы более предпочтительно развитие общего регулирования в этой сфере отношений. Эту проблему в ЕС пытаются урегулировать введением единых европейских институтов, осуществляющих функции, по сути связанные с компенсацией пробельности правового регулирования. Таким институтом, можно назвать Европейское патентное ведомство, по существу функционирующее в условиях отсутствия в ЕС такой правовой категории, как «Европейский патент».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.